

Игорь Братчиков

Фрактал
Осколки

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Игорь Братчиков
Фрактал. Осколки

«Автор»

2026

Братчиков И.

Фрактал. Осколки / И. Братчиков — «Автор», 2026

Эта книга посвящена достижению мечты автора стать известным нефтяником и каким невероятно сложным оказался этот путь. Он горел в вертолёте, пережил два покушения, его первую любовь упрятали за решетку, а жена оставила его в самое тяжёлое время, банкротство и борьбу с коллекторами, нищету, попытку самоубийства и возрождение. И всегда он оставался человеком. Книга написана от первого лица и читается на одном дыхании.

© Братчиков И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог. Ангелы живут на небесах	6
Картина маслом. Мерсин, Турция, 2045 год	13
Детство, 1957 год	18
Экспедиция, 1958 год	20
Веха и Везунчик, 1970 год	22
Крыса, 1969 год	26
Испытание судьбой, 1971 год	29
Стоики, 1973 год. Dum Spiro Spero	32
Стоики, Крым, «Долоссы», 1973–1974 гг	38
Стоики, вторая попытка, 1974 год	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Игорь Братчиков

Фрактал. Осколки

Глава

Моим родителям посвящается

Дорога к счастью чаще всего вымощена створками жемчужных раковин, по которым приходится идти босиком, оставляя после себя кровавые следы и унося с собой боль и разочарование.

Пролог. Ангелы живут на небесах

24 июля 1995 года мой партнёр и старший товарищ Михаил Евгеньевич пригласил меня вечером к себе на кремлёвскую дачу «Сосновка-1», что на Рублёвке, попариться в бане и обсудить деловые вопросы. Для меня советник первого президента России Б. Н. Ельцина, человек необычайно волевой, жёсткий, а порою и опасный, был просто Мишелем, так звали его жена Наталья, близкие друзья и товарищи.

Мы подъехали к дому, перед нами открылись одни ворота, миновав которые мы оказались перед другими, первые ворота за моей машиной закрылись. Машина оказалась между ними. Справа находилось помещение для охраны. Из него вышел старший охранник, и хотя он знал меня, моего водителя и мою машину, всё равно попросил открыть багажник, осмотрел зеркальцем днище авто и, заглянув в салон, поприветствовал нас. После чего ворота открылись, и мы проехали на территорию дачи.

Около дома в будке стоял часовой. Вышел хозяин. Мы обнялись. Мишель тепло поздоровался со мной, и мы направились в баню, где уже всю хозяйничал массажист, следя за температурой и влажностью. Мы парились, делали массаж. Мишелю особенно нравилось, когда маленький массажист ходил по его спине, разминая и массируя мышцы. Массажист был поджарый и мускулистый, но действительно маленького роста, и кличка у него была Малыш.

Попарившись и закутавшись в махровые халаты, мы прошли в дом и устроились в гостиной. Стол был уже накрыт и сервирован. Мишель достал пятилитровую огромную бутылку, похожую на бутылку, в которую на Украине разливают самогон. В сосуде оказалась настойка женьшеня на спирту, в которой плавали коренья, змея, лягушка и ещё много чего. Всё это выглядело как аквариум, помещённый в пятилитровую ёмкость. Это был подарок друзей из Китая. Мы стали потихоньку выпивать, закусывать и разговаривать про жизнь, про работу и бизнес. Просидели до пяти утра, после чего, распрощавшись с гостеприимным хозяином, я поехал домой.

Пятёрка «БМВ» ехала плавно и убаюкала меня. Когда миновали Рублёвку и свернули на Кутузовский, я задремал. Но сразу был потревожен моим водителем Сашей, который был вынужден притормозить у крупной аварии. На дороге лежал на носилках покойник, покрытый белой простынёй, стояли разбитые машины, кареты скорой помощи, врачи оказывали первую помощь ещё двум пострадавшим в ДТП. Мне ужасно не понравилось это зрелище, сонливость как рукой сняло, какое-то смутное чувство тревоги закралось в мою душу. Я приехал домой и лёг спать...

Примерно через два часа меня разбудила моя жена Розанна и сказала, что звонила моя мать и сообщила: мой папа умирает или уже умер. Я вскочил с кровати, натянул джинсы и рубашку и босиком помчался к машине жены, так как свою с водителем отпустил и ждать не мог. Розанна села в машину на заднее сиденье, и я погнал.

Я выжимал всё из её «ВАЗ-2111», что только мог, я гнал на красный свет на светофорах, невзирая на крики моей жены ехать медленнее или она выйдет и будет сама добираться. Я мчался с одной мыслью, чтобы он был жив, жив. Я молил всех святых об этом. Отца я любил просто безумно. Он был для меня всем: примером по жизни, примером стойкости духа, примером героизма, проявленного на войне, когда он семнадцатилетним сельским пареньком ушёл добровольцем на фронт и был награждён многими орденами и медалями, включая медаль «За Отвагу», его умением молчаливо и мужественно переносить все невзгоды жизни, никогда не повышая голос ни на одного человека. Он был настоящим стойком. Я гнал и молил, чтобы стояла скорая помощь у их дома.

Домчался очень быстро в Ясенево, где была квартира родителей, и скорая стояла у подъезда, что мне дало маленькую надежду. Я взлетел на пятый этаж, минуя лифт, двери в коридор

и квартиру были распахнуты. Мама ждала нас. Первым я увидел только одного врача, обычно на такие вызовы приезжает бригада: два врача или врач и медсестра. Я остолбенел. Папа лежал на полу на кухне и не подавал признаков жизни, мама сидела рядом, держа его голову на коленях. С первого взгляда я понял, что врач был подшофе, и сказал этому уроду:

— Давай коли адреналин или делай дефибриляцию сердца. Делай что-нибудь!

Эскулап ответил:

— Я ничего не могу сделать.

Тогда я посмотрел на него. Видимо, в моих глазах было столько злобы, агрессии и ненависти, что его зрачки расширились от ужаса, пальцы на руках мелко-мелко задрожали, он не смог вымолвить ни слова, только показал знаком на сумку. На его медицинскую сумку, с которой он приехал по вызову. Я подумал, что он даёт мне знак, чтобы я достал из неё что-то. Я открыл эту сумку. Она была практически пуста. На дворе стоял 1995 год, 25 июля. В сумке были фонендоскоп, тонометр Рива Роччи для измерения давления, какие-то шприцы, таблетки типа аспирина и валидола, вата, бинты, но ничего существенного там не было. До этого я хотел его убить. Если бы я его начал бить, то, наверное, не смог бы остановиться, но когда я открыл эту сумку, то понял, что дело не в нём, а в том упадке медицины, в котором находилась в то время наша страна. Мы перенесли с ним папу на диван в гостиную, точнее, уже тело папы.

Я спросил у него:

— Послушай, сейчас очень жарко. Я не хочу, чтобы его вскрывали и потрошили. Как-то можно этому помочь?

— У меня есть бригада, которая приедет и всё устроит. До погребения тело сохранится, — ответил он.

Я так и не понял суть этой операции: то ли выкачивают часть крови из тела и заполняют сосуды каким-то препаратом, то ли делают что-то ещё, и тогда тело не слишком разлагается, медленнее деревенеет. Необходимо было подождать, когда соберутся все наши родственники и друзья отца из разных уголков бывшего СССР. Врач уехал.

Я не верил, что папа умер. Я лёг рядом с ним на разложенном диване и подносил зеркальце к его губам, вытаскил пёрышко из подушки и держал около его ноздрей, закрыл все окна, создавая тишину, и слушал сердце, надеясь на чудо, вдруг услышу хотя бы слабый, еле слышный удар. Я обнимал его, целовал, но чувствовал, как его тело теряет температуру, твердеет, а я лежал рядом с ним, обнимал его, и слёзы беззвучно текли по моим щекам. Мама сидела на стуле с каменным лицом, она сильный человек, не менее сильный, чем был папа, она не позволяла себе плакать.

Через час приехали эти люди от врача, два человека в белых халатах, с какими-то приборами, с какой-то жидкостью в баллонах. Нас удалили из комнаты, примерно три часа они «колдовали», пообещав, что три дня до погребения тело будет в надлежащем порядке.

Все три дня и три ночи мама просидела рядом с папой. Одна деталь бросалась в глаза. Как только папы не стало, стая воробьёв прилетела и разместилась на перилах лоджии так, что видны были одни воробьи, сидевшие очень плотно, как будто это было живое ограждение. Они не чирикали, не улетали, не прилетали, в тишине и безмолвии сидели плотно, образуя воробьиные перила.

На второй день собрались все родственники и друзья. Приехали мамины сёстры, мои двоюродные братья и младший брат мамы, а для меня дядя Гена, с супругой. Я был в эти дни почти невменяемым, и Михаил Евгеньевич устроил место на Ваганьковском кладбище, на которое в то время с лёгкостью попадали криминальные авторитеты и с трудом заслуженные люди. Благодаря заботе Мишеля была вырыта могила, организованы катафалк и автобусы. Вместе с дядей Геной мы одели папу в костюм, и он с трудом вбил ноги усопшего в новые туфли.

Пришёл отпевать покойного священник, которого пригласил дядя, много помогавший нам в это непростое время, он очень любил моих родителей. Священнослужитель, помахивая

кадилом, прочитал положенные молитвы, мы погрузили гроб в катафалк, сами разместились в двух автобусах. Процессия, возглавляемая нашим с Мишелем товарищем, полковником ГРУ, на машине с мигалкой, направилась на Ваганьки. Мы ехали на красный свет, всё было очень торжественно. Спасибо Михаил Евгеньевичу.

На погосте, не нарушая традиции, присутствующие бросили по горсти сухой земли в могилу, рабочие кладбища забросали её землёй и на холм поставили временную табличку с датами прожитой жизни. Поминки были достойны жизни этого славного человека.

Прошло девять дней. На сорок дней, в день, когда душа прощается с земной жизнью, покидает нас и улетает на небо, мы собрались с родными и соратниками папы по Целине, где он был в руководстве Целинным краем с 1962 года, почтить его память. Мною был заказан в храме сорокоуст.

Мы собрались в гостиной, все сидели за длинным столом, накрытым по христианской традиции. Я поднялся и встал во главе стола, чтобы прочитать поминальную молитву и сказать последнее слово о своём любимом отце. Начало сентября уже проявилось первыми поржавевшими листочками на деревьях, но было тепло. Дверь на лоджию была распахнута настежь, как и окна лоджии. Не успел я открыть рот и произнести первое слово, как огромная жёлтая бабочка, необычайно красивая, влетела сперва на лоджию, затем в гостиную. Все замерли, никто не проронил ни слова. Все смотрели только на эту прекрасную бабочку. Она облетела вначале одну половину стола, затем меня, стоящего во главе стола, затем вторую его половину, как бы сделав букву П, которую можно было истолковать как «Помним. Прощай». И снова через балконную дверь на лоджию, затем выпорхнула в распахнутое окно и скрылась вдали.

Минуты три за столом стояла поистине гробовая тишина. Затем все почти одновременно выдохнули. Это Душа Николая Ивановича с нами попрощалась. Я был уверен, что это так и есть на самом деле. Впоследствии, провожая в последний путь немало близких мне людей и побывав в 45 странах мира, включая экзотические, мне не приходилось видеть таких прекрасных созданий, тем более совершивших такой манёвр. Я также вспомнил воробьёв, облепивших перила. Они сидели до того момента, пока не погрузили гроб с телом в катафалк, как бы специально наблюдая за ним. Как только захлопнули крышку катафалка, они все разом поднялись и улетели. Я подумал в то мгновение: разлетелись в разные концы передать печальную весть всем, кто близко знал отца. Может, это мистика. Не знаю. Не уверен.

Вот так на 72-м году ушёл из жизни мой папа, а меня накрыла долгая и изматывающая череда неудач и проблем в бизнесе и личной жизни. Один из моих ангелов-хранителей, который ограждал меня от многих бед и огорчений, вливая в мою душу бальзам стойкости и оптимизма, отправился на небеса. И это уже не мистика, а реалии, с которыми мне пришлось столкнуться после его ухода.

Поздняя осень 1999 года, моя мама Галина Ивановна и её младшая сестра, а для меня тётя Люба, возвращались с курорта Трускавец, что на Украине. Я отправил их укрепить здоровье и подлечиться к своему хорошему знакомому, главврачу санатория «Кристальный палац», который был лучшим на курорте в то время. Встретить на Киевском вокзале Москвы я их не успевал, был занят на деловых переговорах, поэтому попросил мою девушку Иру Исаеву, с которой только недавно начал жить вместе и которая мне очень нравилась, встретить моих родных. Мы с Ириной сами этим летом отдыхали в том же санатории, где пили водичку «Нафтусю» и прогуливались по терренкуру.

Её повёз на вокзал мой водитель. Мне хотелось узнать мнение мамы в отношении моей избранницы, я её не предупредил, и всё должно было произойти спонтанно. Мама была очень мудрой женщиной, прошедшей послевоенную разруху и нищету, она отлично разбиралась в людях. У нас с Ириной была существенная разница в возрасте, а, как известно, материнское сердце не обманешь. Встреча состоялась, но отношения с будущей невесткой не сложились.

Жизнь показала, что первое впечатление мамы оказалось верным, и моя жизнь с Ириной это подтвердила.

Прошло шестнадцать лет... Бывая на Ваганьковском все эти годы, мама хотела только одного: быть похороненной в одной могиле с мужем. Она утверждала, что для этого должно пройти не менее пятнадцати лет, тогда разрешат захоронение в одну могилу. Она прожила немного дольше. Поздно вечером, третьего апреля 2011 года мне звонит Мария, женщина, которую я пригласил на работу из Молдавии, ухаживать за мамой, которой мы отметили 25 июля 84 года. Жили они рядом с нами, на Кутузе в соседнем подъезде. Я просил Марию, сообщать мне каждый день перед сном, какое давление и пульс у мамы. Звонит Мария и сообщает: «Давление в норме, 110/70, мы ложимся спать», — и положила трубку.

Через минуту меня что-то кольнуло — она ничего не сказала про пульс. Звоню Марии и спрашиваю: «Какой пульс у мамы?» Слышу в ответ: «А, пульс 40». «Немедленно вызывайте скорую помощь, я бегу к вам».

Прибегаю к маме в квартиру, женщина мне сообщает, что скорую вызвала. Измеряю маме тонометром параметры: давление уже 90/60, пульс 37. После окончания Индустриального института и защиты кандидатской я получил второе образование на факультете медико-биологических проблем в МВТУ им. Н. Э. Баумана и сейчас реально понимал: мама уходит. Я, как в случае с папой, опять молил Всевышнего, чтобы скорая быстро приехала.

Она действительно домчалась быстро, приехали две славные женщины, которые хорошо знали своё дело. Эти врачи работали не за страх, а за совесть, видно было, что клятва Гиппократата для них не пустой звук, жаль, я не запомнил их имён. Они делали своё дело споро и без лишних слов. Подключили необходимую аппаратуру, дали кислород, установили в обе маминых руки по капельнице. Я стоял и играл роль штатива для капельниц, состояние мамы ухудшалось с каждой минутой. Ей ещё и ещё делали уколы, брызги крови были уже на обоях. Аппарат, который показывал биение сердца, стоял рядом со мной, и я видел: давление 60/30, а пульс — 29...20...10... На мониторе пошла прямая линия и раздался звук, который буквально резал мне уши. В это мгновение, буквально на секунду, мне пришли слова из песни моего любимого барда В. Высоцкого: «И ужас режет души напополам». Именно в этот момент ужас разрезал меня напополам, я понял, что мама умерла.

Но эти женщины! Оказались очень опытными и сохраняли спокойствие. Одна из них констатировала: «Мы её теряем!» Вторая уже доставала из сумки электрошокер, но розетки рядом не оказалось. Мария бросилась со всех ног искать и принесла удлинитель. Всё это продолжалось минуты две. Прибор издавал истошный звук. Наконец дефибриллятор приложили к маминой груди. Разряд! Ещё разряд! Бамс — и сердце завелось, забилось. Мама открыла глаза, она пережила клиническую смерть, эти женщины продолжали над ней колдовать. Всё это продолжалось уже более трёх часов, и в этот момент кончается кислород. Они сказали, что надо вызывать вторую бригаду, так как у них не только закончился кислород, но и препараты для инъекций. Врачи сами вызвали вторую скорую. Она ехала два часа. За это время у мамы случается инфаркт. Женщины продолжали бороться.

Приехала новая бригада. Два сонных и недовольных мужика с таким видом, как будто я их выдернул из тёплой постели, а не из кареты скорой помощи. Женщины уехали, перед отъездом я их благодарил, и мне удалось практически насильно дать им немного денег, которые они категорически не хотели брать.

Вновь приехавшие мужики, их я не могу назвать врачами, которым девочки сообщили о клинической смерти и инфаркте пациента, вяло разматывали шнуры и неспешно устанавливали аппараты. Достали кислород, но оказалось, что у них нет ключа, чтобы отвинтить кран на баллоне и подсоединить его к маске. Я побежал к себе в подъезд. Подо мной жил мотогогонщик Жека, в дверь которого я яростно забарабанил. Было пять часов утра.

Получив разводной ключ у полусонного соседа, я рванул назад. Они открыли баллон, сделали ещё три капельницы, через час мы погрузились в скорую и поехали в больницу. За всю эту ночь моя жена Ирина ни разу мне не позвонила и не зашла в квартиру мамы узнать о ситуации. Мама оказалась права там, на Киевском вокзале, но об Ирине рассказ ещё впереди.

Сейчас мама лежала в скорой на носилках в кислородной маске, я сидел рядом, держа её за руку. Мама сквозь маску мне прошептала: «Сынок, папа мог ещё долго жить, будь тогда в скорой помощи такие девочки с аппаратурой».

С таким диагнозом «клиническая смерть и инфаркт» выживших пациентов привозят прямиком в реанимацию. От нас же эскулапы от медицины избавились, оставив в коридоре приёмного покоя больницы. Маму поместили в восьмиместную палату. Я разбудил санитарку, простимулировал её, она застелила кровать чистым бельём и пообещала присматривать за больной.

В семь утра я вернулся домой, а Ирина поехала в больницу. В восемь утра начинался обход врача, в девять она отзвонила, сказав, что маме лучше. То, что дальше происходило, подпадает под разряд разгильдяйства, равнодушия, наплевательского отношения, но не врачебного профессионализма. Видимо, решили: пожила старушка, и хватит. Хотя она была крепкой, энергичной женщиной с большой жадой жизни.

Утром мама захотела есть, но вместо того, чтобы позавтракать в палате, ей сказали: «Пожалуйста». А так как это не реанимация, то направили в столовую. После завтрака она потеряла сознание и там же, в столовой, упала. Её отвезли прямиком на операцию, где поставили кардиостимулятор размером с будильник, укрепив его на шее.

Когда мы с женой примчались в больницу, она лежала, вся ужасно отёкшая, говорила с трудом, но старалась держаться молодцом, подбадривала меня, как могла: «Сынок, всё будет хорошо, ты только не расстраивайся». Я усвоил урок: стойков не сломить, они сражаются до конца.

Этим же вечером её перевели в реанимацию. Утром я уже был там с продуктами и соками, внутрь никого, конечно, не пускали. Каждое утро в 10 часов выходила завреанимации и сообщала о состоянии пациентов. Она мне сказала: «Не привозите ничего, кроме памперсов. Состояние очень тяжёлое. Мы кормим её через зонд».

Я был бессилён как-то помочь маме, понимал, что теряю ещё одного самого близкого мне человека. Наш брак с Ириной трещал по всем швам, бизнес практически разрушился, впереди маячило банкротство, судебные приставы и коллекторы, как гончие псы, шли по моему следу, и песочные часы отмеряли последние крупички моей устроенной, благополучной жизни.

Уходил от меня второй самый любимый мой человек, а третий, моя жена, только и ждал подходящего момента, чтобы оставить меня. Как потом оказалось, только мама, пока была жива, удерживала её от этого шага, точнее, пока была жива мама, Ира не решалась уйти от меня, дабы не подтверждать мамино мнение о ней. Жене было неудобно перед ней, что она покидает меня в самый трудный момент моей жизни. Оказалось, что не только крысы бегут с тонущего корабля.

В один из приездов в реанимацию я дождался, когда все посетители разойдутся после сообщений врача, и, уловив удобный момент, положил ей в блокнот две купюры по пять тысяч. Строгая женщина ничего не сказала, но я возвращался домой со слабой надеждой, что она сделает всё, что в её силах, чтобы улучшить ситуацию, хотя она повторила, что положение очень тяжёлое, но сегодня ей немного лучше.

Через два дня мне было необходимо срочно вылететь в Париж на переговоры с партнёром, который сделал выгодное предложение. Обычно, когда я улетаю, Ира звонила мне перед взлётом и желала счастливого пути, но в этот раз звонка не последовало. Когда мы поднялись на крейсерскую высоту, я стал усиленно молиться Всевышнему о мамином здоровье. Сейчас,

в небе, я был близок к нему как никогда. Я просил Господа нашего, чтобы ей стало лучше и, когда я вернусь, чтобы смог хоть на минуту увидеть её живой.

Прилетев в Париж, мы с моим партнёром пошли обедать, и Вячеслав вдруг завёл разговор о том, как неожиданно уходят родители из жизни, привёл в пример внезапную кончину своего отца. Я сказал: «Да что ты, я нашёл контакт в реанимации, маме обеспечат уход, всё будет нормально». Он настаивал: «Будь готов всегда к худшему, всегда, в любой момент».

После переговоров мы с ним «приняли на грудь», выпили прилично. Очень. Я вернулся в свой отель в два часа ночи, но спать не хотелось. Бар напротив ещё работал. Я лакировал всё выпитое ещё и «Guinness» и рухнул одетый на кровать в своём номере в 3.30 утра, почти в беспамятном состоянии.

Когда-то давно, после первой поездки в Швейцарию, я привёз родителям очень популярные настольные часы: под стеклянным колпаком — циферблат, а под ним крутятся туда-сюда три шарика. И сейчас мне снится сон, как будто кто-то прессом прижал их сверху, и они превратились в лепёшку, в блин. Я проснулся, и хотя спал всего полтора часа и был ещё под градусом, но понял, что мамы нет, что мама умерла. Буквально через пять минут, когда я сидел в кровати, обливаясь потом от страха и ужаса, позвонила жена и сказала: «Срочно вылетай. Мама скончалась. Я подготовила всё для её погребения». Оказывается, это Ирина позвонила Вячеславу и попросила подготовить меня. Перед самым вылетом ей позвонили из реанимации и сказали, что мама умерла, поэтому она не позвонила мне, как обычно, в самолёт перед взлётом.

Я рванул в аэропорт Шарля Де Голля и вылетел в Москву. Маму увидел уже в гробу. Был третий день, как она покинула этот мир, с немногочисленными родственниками мы повезли покойную в крематорий. Мама лежала в гробу как живая, над ней хорошо поработали. Отёк спал, она была всё ещё красива в этот скорбный час, седая и недоступная. Только один штрих говорил о её тяжёлых последних днях перед уходом. Вмятину в уголке губ от катетера, через которую её кормили, скрыть не удалось. Я поцеловал маму в последний раз, и гроб под траурную музыку медленно въехал в бушующее пламя, которое, как вулкан, поглотило его, и шторы задёрнулись.

Когда не стало мамы, моя жизнь покатила под откос, как оторвавшееся от повозки колесо, всё более и более набирая обороты, пока всё не стало разваливаться.

Дорогой читатель, я тебе не сказал самое главное. Перед вылетом, когда я сидел в аэропорту Шарля Де Голля и ждал объявления на посадку, меня трясло, я не мог найти себе места и на последние гроши взял один бокал пива. Я сидел на стуле в огромном, с высоким потолком, стеклянном зале ожидания, ещё не отошедший от вчерашней пьянки, с бокалом в руке, и вдруг что-то «торкнуло» меня, какой-то голос свыше мне говорит: «Сними себя. Сделай фото». Я не мог понять, зачем и почему? У меня были «отменные» мешки под глазами, опухшее лицо и взлохмаченные волосы, но я достал свой телефон, последнюю на то время модель BlackBerry, и сделал три снимка.

Вернувшись домой, простившись с мамой, положив урну с её прахом, на которой были изображены два ангелочка, в землю под стелой, установленной на папиной могиле, я решил освободить память на телефоне и скачать все многочисленные фото на компьютер. Каково же было моё удивление, когда перекачались все фото, кроме трёх из аэропорта Шарля Де Голля. Я пытался снова и снова. Безрезультатно. Я обратился к специалистам, ходил по фотоателье и просил скачать эти фотографии на комп. Бесполезно. Эти фото остались в телефоне навсегда.

Прошло много лет. Я храню этот телефон как «зеницу ока». Я уверен, что именно в этот момент мамина душа прилетала попрощаться со мной, именно из-за этого в этом телефоне остались навечно эти фото, как последнее прощание с ангелом, хранившим меня.

Вот так ушли из жизни мои самые близкие и самые любимые люди, и жизнь моя практически изменилась на 180 градусов. Бизнес развалился, как и личная жизнь, неподъёмные долги вынудили меня эмигрировать. Но об этом вы прочтёте в моей книге ниже.

А пока я уверен, что души моих родителей, моих ангелов-хранителей, живут на небесах, и, когда на моём пути должно случиться какое-то нехорошее событие, препятствие или угроза, мне всегда снятся мои родители. Если меня ждёт серьёзное испытание, то они мне снятся оба, иногда я их даже обнимаю, это значит, что меня поджидает что-то очень нехорошее. Они меня таким образом предупреждают, что Судьба готовится нанести мне удар, морально готовят: «Сынок, будь готов, в ближайшее время тебя ждут испытания. Будь же Стоиком, таким же Стоиком, каким были твои родители. Мы тебя горячо любили, и ты нас горячо любил. Мы хотим сейчас тобой гордиться. Будь сильным». И я стараюсь быть сильным, подражателем своих родителей и гордо нести это слово — Семья. У нас была семья, как монолит, про которую можно писать великие романы и про которую я написал только одну главу. Я осиротел.

Картина маслом. Мерсин, Турция, 2045 год

Я полулежал в кресле из искусственного ротанга, комплекта Piazza 8, которое было сделано где-то в Средне-Восточной Азии. Передо мной открывался реально открыточный вид. Почти как в голливудских фильмах. Только дело было не в Америке, а в ставшей для меня родной Турции. Кресло стояло на четырнадцатом, последнем, этаже элитного комплекса, что невдалеке от Мерсина, одного из крупнейших портов на Средиземном море.

Во дворе комплекса, расположенного буквой П к береговой линии моря, вписаны шесть бассейнов, два из которых детские, аквапарк, высота которого доходила до восьмого этажа, и рукотворная горная речка, причудливо опоясывавшая весь двор. На речке устроен рафтинг: надеваешь спасательный жилет и каску, садишься в байдарку, и кажется, что несёшься по горной реке. Впечатление усиливают горные вершины, виднеющиеся вдалеке.

Между бассейнами высажены двести банановых пальм, кусты роз и бегоний. Два кафе, лежаки и зонтики дополняли эту зону релакса. У нас собственный пляж на морском берегу, куда мы ходим в шортах, нацепив на руку голубой браслет-чип для прохода во все зоны отдыха.

От пляжа в море уходят мостки, огороженные белыми толстыми канатами и заканчивающиеся площадкой с лежаками и зонтами. Вдоль пляжной зоны с золотистым песком тянется частокол из пальм *Albero Di Palme Sulla Spiaggia*, высоких, как в Лос-Анджелесе или Майами, с длинным стволом и кроной листьев в самом верху, которые отгораживают территорию комплекса от променада и береговой линии. По вечерам вся эта красота подсвечивается разноцветными лампочками и фонариками, создавая атмосферу сказочной, почти киношной нереальности.

Пятнадцатиметровый балкон, один из трёх, моего двухсотпятидесятиметрового пентхауса нависает практически над морем и пляжем. Море простирается вокруг на сто восемьдесят градусов, а позади отчётливо видны хребты гор, где с октября по май катаются на горных лыжах. Это завораживающее зрелище: когда утром, ещё лёжа в кровати и только приподняв голову с подушки, ты первым делом видишь эту необыкновенную лазурь, уходящую до горизонта и там сливающуюся с небом. Бесконечная синева и блики солнца играют на морской глади, отражаются в стёклах окон смешливыми зайчиками. Я знал, что так должно выглядеть счастье. Так оно и было на самом деле.

В далёком феврале 2007 года я полулежал в красном кожаном кресле в своей домашней библиотеке в Москве, у себя на Кутузе. Закинув ноги в домашних кожаных туфлях от MILLIONER Флавио Бриаторе на письменный стол, я лениво перекачивал полупотухшую сигару Cohiba Aniversario Majestuosos 1966 и одним глазом смотрел телек, а другим биржевые котировки на своём ноутбуке, стоящем рядом. За окном мрак. Вечно серо-чёрные тучи над городом, сыро, каша под ногами и тоска на душе.

Мой приятель Ибрагим позвонил мне и спросил, не хочу ли я немного прокатиться и согреться. Оказывается, его знакомый турок-олигарх строит новый роскошный комплекс под Мерсином на Средиземке у первой линии моря. До него там начал строить мечети ещё его дед, а затем отец создал строительную империю и начал застраивать здесь побережье. И вот теперь один из его пяти сыновей возглавил фирму и продолжил начатое предками дело. Естественно, молодое — оно, как правило, ретивое, и он захотел переплюнуть отца.

Я всегда был лёгок на подъём, и на следующее утро мы были уже в самолёте. Вначале в машине, потом в аэропорту Внуково, затем в самолёте, летящем в Стамбул, мы принимали на грудь для поднятия тонуса. В Istanbul Ataturk Navalimani нас уже ждал представитель олигарха, Джамаль, бывший автогонщик. Был он весёлым, толстым, лысоватым и сносно говорящим по-русски. Его коричневые лоферы от Gucci сверкали, вельветовые брюки были растянуты на коленях, а на футболке Polo, от Ralph Lauren (который родился в Нью-Йорке под ником Ральф

Рубен Лифшиц и был, как большинство одарённых людей, евреем), под мышками были видны тёмные пятна от пота. Джамаль сказал, что через два часа нам надо вылетать в Адану. Мы не расстроились, т. к. у нас с собой было...

Поздно вечером, почти невменяемые, мы приземлились в аэропорту Adana Sakirpasa Airport. Почти все питейные заведения были закрыты, кроме одного пивбара. Мы лакировали всё принятое ранее местным пивом Stella. Кстати, вполне приличного качества. Затем упаковались в хозяйский чёрный Mercedes 600 long и покатали по прекрасной платной ночной автострате с фосфоресцирующей разметкой в Mersin. В то время платных дорог в России не было даже в Москве и области.

Ходу до Мерсина полтора часа. Мы приуныли. Алкогольные пары, покидающие нас, давали о себе знать, требовали подпитки, голова тяжелела, раздражение стало на нас накатывать из-за длительной поездки. К тому же был февраль и ночью было довольно прохладно. Почти на автомате я ввалился в свой номер на первом этаже отеля. Отопление не работает. Не сезон. Бары закрыты. Сырость. Я рухнул одетым в кровать с твёрдым намерением утром встать и укатить обратно.

Сон был тяжёлым. Разбудил меня стук в дверь номера. Чертыхаясь, я побрёл её открывать и споткнулся о свой кроссовок, валяющийся около кровати. «Всё, — решил я. — Сматываюсь, и немедленно». Ибрагим, зашедший за мной, был не в лучшей форме и настроении. Завтракать не хотелось, и мы вышли на набережную, на которой стоял отель.

Восемь утра. Ласковое солнце пригревало наши плечи и буйные головушки. Мы сняли куртки и остались в футболках. Солнце и море, море, море! Мы побрели вдоль велосипедной дорожки, которая была там уже в то время. Это нас удивило. Затем мы увидели спортивные площадки с тренажёрами, на которых местные жители уже с утра потели, качая мышцы. И одна за другой разноцветные детские игровые зоны. Даже в Москве, в те годы, такого уровня детских, спортивных и игровых площадок не было и в помине. Мы были поражены. В Турции, вообще, особо трепетное отношение к маленьким детям. Ещё в самолёте авиакомпании Turkish Airlines я был впечатлён, видя, как к вошедшей маме с малышом на руках выстроилась в проходе самолёта маленькая очередь. Незнакомые люди, в основном мужчины, подходили и целовали малютку, кто в лобик, кто в темечко. Молодая мамочка только улыбалась. Позже, уже приезжая в Турцию, как к себе домой, я узнал, что это примета на счастье и здоровье и себе и малышу.

Набережная Мерсина определённо производила впечатление. Я всегда восторгался набережной Promenade de la Croisette в Каннах, внесённой ЮНЕСКО во всемирное наследие. Но здесь было как минимум не хуже. Пятнадцать километров вдоль моря и три ряда пальм — маленькие банановые, средние ананасовые и высокие, с длинным стволом, как в Майами, — Albergo Di Palme Sulla Spiaggia. Спортивные и детские площадки, кафешки, ресторанчики, велодорожки и, моя слабость, роскошная Mersin Marina для яхт. Хотя, кто в теме, яхты называют лодками. «Приключение становится занимательным», — подумал я.

Мы вернулись в отель, где нас уже поджидал Джамаль и белый Mercedes — GLC 500, или просто Гелик. Сначала был роскошный завтрак на террасе с видом на море в ослепительно белоснежном Hilton Mersin Hotel. Затем нас повезли по комплексам, которые строил отец-основатель. Все они впечатляли и стояли на первой линии у моря.

И вот мы приехали на стройплощадку в двадцати километрах от города. Огромная буква П, выложенная на земле пока только фундаментом. Посреди будущего двора — роскошный временный офис хозяина объекта, олигарха Нуха, естественно, мультимиллионера. Много позолоты, окантовка Versace на креслах, шторах и везде, где только можно. И сам Нух, слегка полноватый, высокий двадцатипятилетний молодой турок в чёрном костюме от Hugo Boss, белой рубашке с красным галстуком и коричневых оксфордах от Berluti на босу ногу. Впечат-

ление портили только дохлые лягушки, плавающие кверху брюхом среди пальмовых листьев в единственном, пока полупустом, бассейне без проточной воды.

Когда меня пригласил поехать сюда Ибрагим, я и не подозревал, что это была кавказская хитрость — совместить приятное с полезным, т. е. постараться «впарить» мне апартамент и немного заработать. А я, естественно, и не помышлял ни о какой покупке. Но всё резко изменилось. Это как любовь с первого взгляда. Как «Солнечный удар» Ивана Бунина. Плюс ещё, конечно, просто бешеное обаяние Нуха. Олигарх не знал ни слова по-русски или по-английски (на котором я сносно говорил). Но, видимо, из пяти братьев отец доверил своё дело среднему не зря. Он что-то чертил мне на бумаге, показывал чертежи и макеты, лопотал по-турецки, заглядывая мне в глаза. Но я про себя уже знал, что буду жить здесь.

Правда, до сего дня я всегда тяготел к европейским курортам. До этого имел апартаменты в лучшем комплексе Los Granados, в Марбелье, этом испанском аналоге Saint-Tropez, с пляжем Nikki Beach, недалеко от Гибралтара. Но здесь было что-то мистическое. Непостижимая энергетика этого места вошла в меня, как звон от шаманского бубна. Нух продал уже сотни апартаментов бельгийцам, немцам, были даже несколько англичан. Но русских не было ни одного. «Бразер, бразер», — твердил он мне, что искажённо смахивало с английского на «брат», и пристально смотрел на меня своими тёмно-коричневыми, якобы честными, горящими глазами.

В комплексе были только два пентхауса. Я выбрал один из них. Я всегда стараюсь выбирать только самое лучшее, даже если денег не хватает. Судьба всегда мне помогает. Ведь я везунчик. И баловень жизни. Тут взгляд олигарха на секунду потух. Но только на секунду. Оказывается, этот пентхаус был забронирован, более того, за него был внесён небольшой аванс бельгийцами. Нух сказал, что до завтра он берёт паузу.

Вечер прошёл за обедом, где присутствовали все члены большой турецкой семьи олигарха. Нас представили друг другу. Все они алкоголь не употребляют. И нам было тоже разговаривать по-серьёзному неудобно.

На следующее утро сияющий Нух радостно сообщил мне, что апартаменты я могу купить. Не сомневаясь ни секунды, я подписал договор, достал свою платиновую American Express и проплатил задаток. Как показала жизнь, это было абсолютно правильное решение. Кроме того, мы с Нухом стали друзьями, реально почти братьями. А моя младшая дочка Кристина стала практически сестрёнкой Yagmur (Ямур), которая была первым ребёнком Нуха. Им обоим тогда было по семь лет.

Два следующих дня пролетели незаметно: знакомство с городом, магазинами мебели и «Всё для интерьеров», ресторанами с местной кухней и прочие приятные занятия. Обратная дорога преподнесла сюрприз. Нух отправил нас на машине в ныне туристическую мекку Анталию, посмотреть город и комплекс, который он там заканчивал строить. Suite в лучшем отеле IC Hotels Green Palas был оплачен им заранее.

Но дело в другом. Отъехав километров сто от Мерсина, водитель остановил лимузин у небольшого кафе у моря. Нас уже ждал хозяин. Официант попросил нас разуться. Мы были в недоумении. Затем босиком, закатав до колен брюки, мы прошлёпали к столику, который стоял в воде. Она доходила нам до середины щиколоток. Мы удобно расположились. Морская вода ласкала и омывала прохладой наши ноги. От солнца нас закрывал навес. Это было что-то. Нас угощали лобстерами, креветками и другими дарами моря. Всё это безобразие мы запивали Chablis Grand Cru. Поездка удалась на славу, и даже серпантин на горной дороге вдоль моря, когда казалось, что два авто не разъедутся на узкой дороге, нас не утомила.

Время летело своим чередом... Через два года мы въехали в новенький, пахнущий морем, лаком и свежей краской великолепный пентхаус.

Итак. Турция. Мерсин. Жилой комплекс LIPARIS-5. Я всегда с большой охотой рвался приехать в это место. Обычно в течение года дочь, а потом и жена начинали спрашивать: «Когда мы поедем в Турцию?» Пентхаус я подарил моей жене, Ирине, в день юбилея — 10-летия

совместной жизни. Наше «гнездо» находится в блоке А, в пятнадцати метрах от моря. Здесь просторно. Мы построили даже камин из белого мрамора, на случай приезда сюда зимой, хотя в Турции почти всё время тепло. Повесили картины в дорогих рамах на стенах в салоне и роскошные шторы на окнах, отделанные хрусталиками от Swarovski, обставили пентхаус дорогой итальянской дизайнерской мебелью. Под балконом, во дворе, с утра и до вечера стоит гвалт — это дети играют и плескаются в бассейнах и аквапарке.

LIPARIS-5 — место уникальное, с очень сильной и положительной энергетикой. Притягивает как магнит, уезжать не хотелось. И вот теперь я полулежал в своём кресле, смотрел на бескрайнюю синеву, дремал, и воспоминания о прожитой жизни пришли ко мне в гости...

В детстве мне нравилась игрушка. «Калейдоскоп» называется. Обычная картонная трубка. С одной стороны глазок, с другой матовое стекло. Закрываешь один глаз, вторым прищипываешь к глазку. Направляешь трубку на свет... И вот ты уже в другом мире. Ярком, красочном, незабываемом. Тихонечко поворачиваешь трубочку, и перемешиваются, ломаясь и крошась, разноцветные кристаллики. Красные, синие, жёлтые, голубые. Очень красиво. Оторваться было невозможно. Только заглянул в трубочку одним глазком — и ты уже не здесь. Ты в сказочном, красивом и волшебном мире.

Волшебную трубочку, вместе с несколькими игрушками из резины — «пищалками», мне привёз отец из далёкого города Ленинграда, где он был в командировке. С игрушками в послевоенное время было туго. То есть их практически не было. Никаких «Футболов» и «Хоккеев», pedalных машин и «Луноходов» не было ещё и в помине. Ничего. Да и вообще, о какой игрушке «Луноход» можно было говорить, если о реальном луноходе не мечтали даже. Тем тяжелее была моя утрата. На второй день обладания сказочным миром мой лучший друг Димка Костров сел на «волшебство» тощей своей задницей. Димку я бить не стал. Хотя горе моё было велико. Просто я увидел широко открытые от ужаса голубые Димкины глаза, и было ясно, что друг потрясён утратой не менее моего. Больше в жизни моей я таким волшебством не обладал никогда.

Пацанчики мы были любознательные и смятую картонку и раздавленные стёкла подвергли тщательному, как говорят в науке, визуальному анализу. Каково же было наше взаимное удивление, когда мы, «докопавшись до истины», узнали, что волшебный, сказочный и такой прекрасный мир состоит всего из нескольких разноцветных маленьких стекляшек. Сказка рушилась на глазах. Я читал удивление в голубых Димкиных глазах, сам толком ещё ничего не понимая, рвал большими ножницами картон, но безуспешно. Мы в то время были ещё очень далеки от понятий таких физических явлений, как дифракция, дисперсия и интерференция, хотя с их помощью и создавалось наше волшебное царство. Просто, как всё гениальное. Счастье моё было недолгим. Ни приесться, ни надоесть не успело. Видимо поэтому я на всю свою жизнь сохранил неудовлетворённость, ненасытность миром грёз, розовых снов и фантазий.

И сейчас, накануне своего дня рождения, откромсав солидный кусок от нежирного жизненного пирога, я вспомнил эту волшебную трубочку, вспомнил моё детство. Я закинул ноги на стол, закрыл глаза, и в моей памяти, по мере вращения воображаемого «калейдоскопа», стали проступать замечательные живые яркие мозаичные отрывки из моей жизни, как в фортепьянных пьесах «Картинки с выставки» знаменитого русского композитора Модеста Петровича Мусоргского.

После раздавленного Димкой волшебства много позже мне стало известно, что примерно по такому же принципу возникают явления, описываемые математическим множеством под названием фрактал (от лат. Fractus — дроблённый, сломанный, разбитый). *Несмотря на то, что фракталы известны человечеству уже почти сотню лет и за это время были хорошо изучены — строгого их определения не существует. Хотя в основе этого явления лежит предельно простая идея: получение сложных геометрических фигур путём всего лишь двух операций —*

копирования и последующего масштабирования. Термин был введён в 1975 году французским и американским математиком, создателем фрактальной геометрии, лауреатом премии Вольфа по физике, Бенуа Мандельбротом.

Я поудобнее устроился в кресле и стал медленно поворачивать воображаемую трубочку по часовой стрелке...

Детство, 1957 год

Жили мы тогда в Архангельске, на набережной им. И. В. Сталина, позже переименованной в им. В. И. Ленина, в четырёхэтажном доме с высокими потолками. В городе с богатой историей, городе моряков, рыбаков и первопроходцев Севера.

В конце 16-го века по указу царя Ивана IV на месте поселения поморов был основан этот город, ставший первым в России морским и речным портом. Сюда в 1553 году зашёл первый торговый английский корабль, что и послужило отправной вехой для начала установления торговых связей нашей Державы с Западной Европой. Здесь великий русский государь Петр I построил первые в России верфь и адмиралтейство и спустил на воду первый русский корабль «Святой Павел». Отсюда для освоения Арктики и Северного морского пути отправлялись экспедиции В. А. Русанова, А. М. Сибирякова и Г. Я Седова. Отсюда, из села Холмогоры, из семьи крестьянина-помора, ушёл пешком в Москву за знаниями будущий гений, основоположник физической химии, поэт и естествоиспытатель Михайло Ломоносов.

Здесь, в этом городе древней культуры и традиций, месте политических ссыльных, прошло моё детство. Отсюда я стартовал в огромную неведомую страну, имя которой — Жизнь. Сюда, в эту сладкую колыбель детства, на протяжении многих лет переписываясь с друзьями, я мечтал вернуться. Естественно, на белом коне, в ореоле славы. Чтобы эта зазнайка, отличница из 3 «Б» Катька Белозубова, краса и гордость школы № 3 города Архангельска, знала, с кем она отказалась в тот зимний памятный день лепить снежную бабу.

Но то ли время ещё не пришло, то ли моя слава запаздывала, то ли коня белого не было подо мной, я пока так и не вернулся. Хотя ностальгия, эта верная спутница бессонных ночей и болей в сердце, осталась и живёт во мне до сих пор. Скребёт и ноет, нащёптывая по ночам о том далёком, невозвратном и сладостном времени.

Гранитную набережную Архангельска начинали строить ещё при Петре I, по ней вечерами любили гулять жители города. Среди разношёрстной толпы, где нередко слышалась чужеземная речь, было много моряков торгового флота и бравых, в чёрной с белым, красивой форме, при золотых кокардах и кортиках, советских морских офицеров. В те времена была мечта у любой девчонки — пройтись под ручку с флотским сверкающим молодцом, на зависть подружкам.

Набережная упирается в порт, основанный тоже Петром Великим, где он и стоит навечно на гранитном постаменте — одна рука на эфесе шпаги, вторая опирается на трость. На голове треуголка, на ногах ботфорты, решительный взгляд устремлён на гавань. Чудилось, что сейчас он сойдёт с постамента, живой, кипучий, и ринется в порт встречать иноземные корабли с товаром. Будет торговаться с купцами, расспрашивать мореходов и славить победами родное Отечество.

Порт не замирал ни на секунду, трудясь денно и ночно, буднично и привычно, обслуживая своими добрыми мозолистыми руками-кранами десятки стоящих у пирсов и ждущих своей очереди на рейде кораблей. Наших и зарубежных, больших и маленьких, старых и новых, красивых и обшарпанных, со вздувшейся облупившейся краской, прокопчённых дымом, продублённых солёной морской водой и временем. Корабли, моряки, порт были неотъемлемой частью моего детства. Из окон нашего дома было видно, как в устье реки медленно заходят усталые лесовозы, чумазые лихтеры, пропахнувшие рыбой траулеры, нарядные «торгаши» под вымпелами многих стран из разных континентов. Я мог часами неподвижно сидеть у окна, наблюдая гулкую портовую жизнь.

Излюбленным местом прогулок нашего детского садика был скверик около памятника Петру, где мы любили играть в догонялки. Однажды в игре я упал и разбил бровь о гранитный угол постамента. Когда я поднялся, мой левый глаз ничего не видел, бровь вместе с кожей

сползла на глаз, обнажая сквозь кровавое месиво розовую лобную кость. Глянув на меня, молоденькая воспитательница Нина Павловна упала в обморок. Меня подхватил на руки проходивший мимо капитан китобоя и бегом доставил в больницу порта, где мне и наложили на разбитый лоб скобки. Когда два часа спустя меня с забинтованной головой внёс в нашу комнату в коммунальной квартире отец, моя мама тоже лишилась чувств. Ох уж эти женщины! Одно слово — слабый пол.

Димка Костров, мой друг, сосед, впоследствии одноклассник, соратник по дворовым баталиям и коллега по увлечениям, пришёл меня провести с пачкой пластилина. Димка был четвёртым отпрыском из большой семьи ответственного работника. В те далёкие годы я носил сандалии из грубой свиной кожи на босу ногу, чёрные шаровары, сшитые моей мамой, белую рубашку, расшитую на украинский манер, с цветными кисточками на шнурках, которая тоже была сшита заботливыми мамиными руками, и коричневую вельветовую тубетейку. Я был очень доволен своим одеянием. Мы не знали тогда и не ведали, что доживём до поры, когда джинсы из-за кордона будут стоять выше средней зарплаты, что в определённых кругах тебя будут встречать и оценивать по лейблам известных западных марок. А если, не приведи господь, ты не являешься обладателем сиих порток, то и приглашён в следующий раз не будешь. Не думали мы и не гадали, что ремень и рубашка от Dior, плюс шёлковый галстук от Armani, а брюки от Corneliani будут своеобразным пропуском, фетишем, пригласительным билетом в лучшие рестораны. И двери с табличками «Свободных мест нет» или «Столик зарезервирован» будут распахнуты услужливыми «дядями-швейцарами», как будто и не было в их жизни фронтной молодости и разрухи. Будто их руки никогда и не сжимали автомат или баранку машины, уводя её из-под обстрела по разбитой фронтной рокаде, а были только мятые рубли и трёшки, пахнувшие духами Chanel и Mitsouko. «Да не оскудеет рука дающего!»

Бывая летом в деревне у своих деда с бабкой, я залезал с братом в дедовскую «Победу» — подарок от государства за самоотверженный, тяжёлый крестьянский труд, и нам казалось, что нет на свете машины лучше. И хотя концерны Mercedes, Ford, General-Motors существовали и тогда, мы на них не «западали». Они были из другой, закордонной, жизни. Когда? Где? Как? Это всё стало въедаться, вгрызаться в моё сознание. А может быть, даже у отрицательных явлений, таких как пресловутый «железный занавес», провозглашённый Уинстоном Черчиллем 5 марта 1946 года в своей ставшей знаменитой фултоновской речи, есть положительные стороны? Всё это наносное, не наше было там, у них, и не портило, не растлевало наши души. У нас было всё наше, а значит, самое лучшее. В этом тогда я был уверен!

Нет, я не против. Надо перенимать, стремиться, учиться, догонять, перегонять, и мы это пытаемся делать, иногда получается. Редко, но даём им фору! Но как уберечь юность от тлена? Помню, как мы любили Робертино Лоретти, прекрасного итальянского певца. Как мы были обеспокоены мутацией его голоса. Письма в газеты, на радио и телевидение. А ведь в то время уже пели и Элвис Пресли, и Билл Хейли, но их «концерты-балаганы», как тогда писал журнал «Ровесник», до нас не доносились. Всё это было реальностью, пока не подоспела Перестройка.

Экспедиция, 1958 год

Очередной поворот воображаемого «Калейдоскопа»... Воспоминания были яркими, свежими и цветными, точно увиденные вновь в широкоэкранном фильме. Я опять в Архангельске. На набережной имени В. И. Ленина, которая была раньше набережной имени И. В. Сталина. Наш дом стоял около гостиного двора, а теперь оно стало старой типографией. Архангельские гостиные дворы — торговое и оборонительное сооружение, были построены на мысе Пур-Наволок в 1668–1684 годах по приказу царя Алексея Михайловича. Их возвели градостроители Петр Марселис, «мастер немчин» Вилим Шарф и 5 каменщиков. Строительством руководил иноземный инженер Матис Анцин, а с 1671 года русский зодчий Дмитрий Михайлович Старцев. До наших дней оно дошло как здание Биржи с фрагментом западной стены, центральной и северной башен. В 1981 году комплекс передали Архангельскому краеведческому музею, а в 2008 году были выделены средства, и здание Биржи отреставрировали, выкрасив в жёлтый цвет.

Но тогда, в 1958 году, в части комплекса располагалась старая типография, состоявшая из двух зданий: круглой огромной северной башни и соединённого с ней длинного деревянного здания с двухскатной крышей. Она напоминала горный хребет, заканчивающийся вершиной. Так, во всяком случае, казалось нам с Димкой Востриковым, другом детства. Было нам в ту пору по семь лет. И была у нас давняя мечта — покорить эту «вершину».

И вот однажды серым сентябрьским утром, после обильного дождя, друзья решились на штурм. Экипировка у нас была «солидная»: резиновые сапоги, короткие осенние пальто и кепки, надетые козырьком назад. У каждого по три скобы, которыми обычно сбивают брёвна при формировании плотов, и по молотку. Обвязавшись трёхметровой верёвкой в «связку», мы начали восхождение.

Вначале забрались на крышу сарая, откуда надо было перепрыгнуть метровую «пропасть» между зданиями и попасть на покатую крышу типографского склада. Прыгать на скользкую от дождя крышу было боязно. Первым решился Димка. Был он золотоволосым вихрастым «непутёвым» двоечником, последним отпрыском в известной семье. Его отец был одним из партийных руководителей города.

Я встал у края на крыше сарая, а Димка, разбежавшись, насколько позволяла верёвка, прыгнул на крышу склада. Распластавшись на ней, как большая серая жаба, он начал медленно съезжать вниз, норовя свалиться в «пропасть» и утащить с собою меня. Думать было некогда. Я достал самую острую скобу и крепко зажал её в правую руку. Разбежавшись и прыгнув, я со всего размаха всадил скобу в старое мокрое дерево складской крыши. Димка в это время продолжал медленно, но неуклонно сползать вниз. Я успел достать молоток и ударить два раза по скобе, прежде чем верёвка между нами натянулась до предела. Но получилось. Удержались.

И вот, вгоняя молотками «скобы» в дерево, мы упорно ползли по скату крыши вверх, пока не добрались до старинного резного «конька». Оседлав его, решили отдышаться. Высота была приличная — метров восемь-девять. Сидели молча. Каждый думал: стоит ли продолжать «экспедицию»? Ведь впереди была огромная круглая каменная башня с куполообразной железной крышей, оканчивающаяся высоким шпилем. Этот шпиль и был той конечной точкой, намеченной по плану на земле для покорения. Было страшно. Но каждый вслух признать себя трусом не решался.

«Ну, двинули, что ли, дальше», — пробормотал с бравадой Димка, но голос у него дрожал. Снова пошёл мелкий дождь. Встав на четвереньки, мы поползли по «коньку» в сторону башни. Доползли, наконец, до лестницы, которая вела на купол. Я взялся за первую ступеньку. Лестница была старая, ржавая и плохо держалась. Ступенек было шесть. Я хорошо помнил,

как холодил руки металл, как опасно качалась лестница, как сопел внизу Димка, не отстававший от меня.

И вот мы у подножия купола. Ноги едва умещаются на карнизе, по которому проходит слегка загнутый вверх желобок для стока дождевой воды в водосточные трубы. На уровне наших ног крыша соседнего «сталинского» четырехэтажного дома, где в чердачном окне сидела пегая облезлая мокрая бездомная кошка. Я её отчётливо видел и пытался смотреть только на неё, так как от высоты у меня стала кружиться голова и дрожали ноги. Мы стояли на карнизе, почти на двадцатиметровой высоте, прижавшись спинами к куполу башни, и боялись двинуться с места. Ветер стучал куском оторванной жести и бросал нам в лицо пригоршни холодного осеннего дождя.

Внизу на набережной стали собираться редкие прохожие и озабоченно показывали на нас руками. Мы ещё не знали, что мои родители стояли в этот момент на балконе, на третьем этаже соседнего дома и, стиснув друг другу руки, боялись закричать. Они молили бога, чтобы мальчики их не увидели и не испугались.

Наконец Димка медленно двинулся по карнизу вокруг купола, так как лестница, ведущая к шпилью, была с противоположной от нас стороны. Я за ним. Пройдя метров пять, я вдруг почувствовал, как старая жёсть под моей правой ногой вдруг поползла вниз. Я не успел испугаться, как уже сидел на карнизе, на краю башни, свесив ноги с двадцатиметровой высоты. И не вспоминать бы мне сейчас, да и Димке тоже, если бы подол моего пальто не зацепился за торчащий старый ржавый гвоздь. Это и позволило мне остановить так стремительно начавшееся движение.

Я сидел на желобке, боясь пошелохнуться. Осторожно поднял руки и вцепился своими окоченевшими пальцами в края водостока. Один сапог свалился с моей ноги и лежал где-то далеко внизу, на асфальте, так что и видно-то его не было. Ветер холодил ногу, оставшуюся в одном носке. И тут я услышал громкое: «МА-А-А-А!» Это плакал и кричал Димка. Когда Димку обижали пацаны во дворе, он плакал и, смотря на свои окна на втором этаже, громко кричал один слог: «МА!» Он мог бесконечно долго тянуть этот слог — МА — и никогда не произносил полное — МАМА. И вот сейчас это самое звонкое и испуганное, взывающее о помощи и почти не прекращающееся МА-А-А я слышал у самого своего уха. Не было у Димки перед глазами привычных родительских окон, а был далеко внизу сырой, холодный и страшный серый асфальт. Видимо, поэтому его отчаянный крик был необыкновенно жалким и таким громким.

И тогда я вдруг почувствовал, что сейчас мы с Димкой полетим туда, в пропасть, вслед за моим резиновым сапогом, что ни я, ни Димка не резиновые, и мы разобьёмся насмерть. Я вдруг вспомнил лицо умершего Сашкиного деда, которого хоронили неделю назад. Это был первый покойник, которого я видел в своей жизни. Мне стало так жутко, что пальцы мои вдруг ослабли и начали соскальзывать с мокрого металла. Я закрыл глаза и заревел. Мне вдруг захотелось в школу, ходить в которую я так не любил, особенно в первую смену. И дурацкие уроки музыки, на которые приходилось ходить по воле родителей, с большой коричневой картонной нотной папкой, показались мне сейчас такими желанными.

Наконец, когда мне показалось, что я лечу вниз, вдруг чья-то сильная рука схватила меня за шиворот и втянула обратно на карниз. Я открыл глаза и увидел рядом военного моряка. «Спокойно, пацаны. Всё будет хорошо», — сказал моряк и, взяв меня за руку, осторожно втащил на карниз и повёл нас вместе с Димкой медленно к лестнице. Остальное помню смутно. Помню только, что был первый и последний раз жестоко выпорот отцом и мне месяц не разрешали выходить во двор. К Димке родителями были приняты аналогичные карательные меры. Так бесславно закончилась наша «Экспедиция» по покорению вершины. Но тот ужас, когда я сползал вниз с крыши, запомнил на всю жизнь. «Калейдоскоп» закружил меня вновь...

Веха и Везунчик, 1970 год

Как мне описать вам эту девочку. Если вы имеете представление о Клаудии Кардинале во время её расцвета в итальянском кинематографе, то сможете понять, что я имею в виду. Таких красавиц в то время ещё не выводили в инкубаторах СССР. Я звал её Веха, хотя родители нарекли её именем Вера. Я, вообще, очень изобретателен по присвоению прозвищ и ласкательных имён для девочек. Не знаю, почему этот ник пришёл мне на ум, но, как показало время, встреча с этой девочкой действительно явилась вехой в моей жизни, причём больше в эмоциональном и физиологическом плане, чем временным интервалом, т. е. тем, чем обычно отмеряют расстояние или временной промежуток.

Итак: стан её был гибок, грудь высока и упруга, кожа смугла, вероятно, потому, что отец был татарин, а мать украинкой. Рост выше среднего, глаза — бездонное жерло вулкана, цвета пережжённой карамели и совершенно дикий необузданный темперамент. Квентин Тарантино говорил на съёмках фильма со своей музой, Умой Турман, что самая сексуальная часть тела Умы — это её стопы. И он снимал босую Уму, наезжая крупным планом на её узкую, с длинными пальцами, грациозную стопу.

В то советское время Тарантино ещё не снимал Уму Турман, а я уже восхищался стопами своей Вехи, когда её ножки лежали у меня на плечах во время наших страстных утех. Она кричала, кусала свои губы и мои плечи в кровь, а также в кровь расцарапывала мне спину ногтями. Мне было девятнадцать, и был я студентом третьего курса местного университета, а Вехе было всего лишь шестнадцать, и она только окончила школу. Правда, при знакомстве она мне соврала, сказав, что уже исполнилось восемнадцать, и этому возрасту внешне действительно соответствовала. И даже имела определённый опыт общения с противоположным полом.

Каждое утро я собирал портфель, одевался и говорил маме, что иду в университет на занятия к первой паре. Шёл три квартала, и Веха открывала мне дверь в домашнем коротеньком ситцевом халатике. Прямо в прихожей повисала на мне и начинала стаскивать с меня одежду и бельё. Наша страсть была больше похожа на животный инстинкт спаривания. Мы частенько начинали это прямо в прихожей, а потом, потные и разгорячённые, принимали душ, хохоча, целуясь и обнимаясь. Обычно я приходил к 8.30 часов утра. Родители её к тому времени уже были на работе. Отец, мясник, с внешностью палача и грубыми манерами, уходил в шесть утра, к семи уходила мать, работавшая в том же магазине. Простая деревенская женщина из западенской Украины, с остатками былой красоты.

К моему приходу курица уже запекалась в духовке, наполняя ароматом всю квартиру, а в холодильнике ждали две жестяные банки апельсинового сока, произведённые в Греции. Жесточайший дефицит того времени. После душа, обмотавшись полотенцами, мы плюхались на металлическую кровать с панцирной сеткой, стоящую в её комнате, захватив с собой банку сока, предварительно пробив в жестяной крышке две большие дырки. Мы по очереди пили сок, целовались и ласкали друг друга. Слушали на кассетнике Сальваторе Адамо, который был тогда в фаворе у молодёжи и как нельзя лучше подходил для романтических моментов. Потом мы любили друг друга снова и снова. Тут же в кровати ели запечённую курицу, и в 16.00 я уходил домой. Я еле добирался до нашей квартиры и уже в восемь вечера укладывался спать, чего раньше за мной не водилось, ведь я Сова.

Так продолжалась полгода, и я завалил зимнюю сессию в универе. Мама беспокоилась: уж не заболел ли её любимый сынуля? Но я всё сваливал на загруженность в универе и в спортивной секции бокса. Секцию я тоже не посещал. А родителям Вехи стали жаловаться соседи на шум и крики их дочери в первой половине дня.

Это заинтересовало её старшего брата, который имел репутацию отъявленного хулигана в нашем городе. Он застукал нас и в один из вечеров встретил меня со своим дружкой по дороге домой. Мне крепко досталось.

Мы на время прекратили наши свидания, пока я залечивал раны. Зато я начал усиленно посещать секцию и подналёг на тренировки. Даже дома каждый день продолжал самостоятельно заниматься, особенно перед большим зеркалом, боем с тенью. Я и до этого делал неплохие успехи в боксе. До встречи с Вехой я усиленно занимался пять лет в секции, участвовал в городских соревнованиях. У меня неплохо получалось, и наш тренер Рафаэль Гашевич сказал, что я к 21 году должен стать КМС, т. е. кандидатом в мастера спорта.

После возобновления занятий, через три месяца, я поздно вечером позвонил в знакомую дверь на первом этаже. Дверь открыл брат, и я пригласил его поговорить за жизнь на улице. Я бил его очень жёстко и долго. К тому времени мой левый боковой вылетал на автомате под разными углами и всегда находил цель. Порою мне удавалось при удачном попадании «гасить» противнику свет. Отделав брата под «орех», я взял с него слово оставить нас в покое, и мы возобновили наши дневные встречи, изредка дополняя их походами в кино.

Поскольку мы были молоды, темпераментны и вспыльчивы, то часто спорили и ругались из-за мелочей. И вот однажды я пришёл, как обычно, в 8.30 утра, и дверь мне открыла заплаканная мать Вехи. Она сказала, что дочь сбежала из дома неизвестно куда.

Я начал расследование... Это сейчас всё гораздо проще: можно позвонить по сотовому, написать смс, послать mms, отправить e-мэйл. В конце концов, при определённых усилиях определить по навигатору в Google местоположение сотового телефона. Тогда ничего этого ещё не существовало.

Я вскрыл верхний ящик письменного стола своей подруги и принялся перебирать всё, что там было: заколки и резинки для волос, обёртки от шоколада и конфет, записки и записную книжку, обрывки бумаги с напоминаниями, что купить, шариковые ручки и карандаши и т. д. Но нашлось кое-что интересное. А именно письмо от подруги из Новосибирска с приглашением прилететь и с возможностью устроиться на работу в местный Дом Моды манекенщицей. Слова «модель» тогда ещё в СССР не существовало.

Мать Вехи слёзно меня просила слетать в Новосибирск и вернуть беглянку в родные пенаты. Я был лёгок на подъём ещё и потому, что она сбежала и от меня, ничего мне не сказав. Уже на следующий день я сидел в самолёте ИЛ-18 и через два часа приземлился в аэропорту Толмачёво, имени А. И. Покрышкина, города Новосибирска. Быстро поймав такси, я катил по адресу, указанному на конверте подруги. Ещё через полтора часа я звонил и стучал в деревянную покоцанную дверь на втором этаже ветхого строения на окраине города. Никто не отозвался.

Я сел на ступеньки лестничной клетки возле квартиры номер 6 и стал ждать. Ждать пришлось недолго. Через полчаса появились подруги, которые тащили, хохоча и тараторя, скатанный матрас и подушку. Каково же было их изумление, когда они увидели меня, сидевшего на их пути и вперившего свирепый взгляд в эту милую парочку. Далее последовала немая сцена, как в Гоголевском «Ревизоре».

— Привет. Поздравляю с покупками. Но, боюсь, траты были напрасными, — сказал я.

— Ты зачем прикатил? Я домой не вернусь, — взвизгнула Веха.

— А тебя никто и не спрашивает. Я уже купил билеты на завтра. Так что сегодня празднуем отходную. А завтра труба зовёт. «И снова в бой. Покой нам только снится», — процитировал я Александра Блока. — А мы разойдёмся мирно и красиво.

Девочки поникли и чуть не ревели. Мне даже стало их немного жаль. Веха понимала, что спорить со мной бесполезно. Особенно после моего разговора с её старшим братом, на помощь которого так надеялись её родители, думая, что он без труда сможет положить конец нашим романтическим отношениям.

Телефона у Нади, так звали её подругу, дома не было. Близился вечер. Нам надо было идти в местное отделение связи, где имелся переговорный пункт, и сообщить родителям Вехи, что беглянка попала в сети и завтра мы прибудем на родную землю.

Расспросив у Надюхи дорогу, мы двинулись. Через час миновали мост над рекой Обь. И далее мы заплутали. Домишки вокруг были старые, местами тронутые безжалостным временем и, не выдержав его ноши, покосившиеся. Номера домов и названия улиц частенько отсутствовали. Прохожих мало. Попался какой-то мужик нам навстречу.

— Скажите, пожалуйста, как пройти на переговорный пункт? — был мой вопрос.

Он не торопился с ответом. Незнакомец внимательно оглядел меня и ещё более пристально мою спутницу. Обтягивающий ярко-жёлтый топик не мог скрыть весомый аргумент женской красоты. А синяя джинсовая мини-юбка только подчёркивала стройность и длину загорелых ног моей подруги. Она ступевалась под его взглядом, и я почувствовал, как задрожала её рука, державшая мой локоть. Мне его взгляд тоже не пришёлся по нутру.

— Меня зовут Колян. Я вас провожу. Тут недалеко, — ответил незнакомец. И был в его словах скрытый подтекст, который, правда, легко угадывался.

Я напрягся. Он повернулся и зашагал, не оборачиваясь на нас. Мы тронулись за ним. Чем дальше мы шли, тем меньше становилось фонарей на нашем всё сужающемся пути. По мере продвижения Колян сказал, что он только откинулся. Тянул срок, семерик за тяжкие телесные. Отбывал в знаменитых Питерских Крестах. Хвастался татуировками, попутно объясняя их значение. В то время салонов тату не было и в помине, мода на татушки ещё не вошла в нашу жизнь. Это были знаки «отличия» эзков, кто уже протестировал на вкус тюремную баланду и уют за колючей проволокой.

И когда я понял, что мы идём явно не туда, то шепнул моей дрожащей девочке отпустить мой левый локоть. Я был уверен, что когда Колян обернётся, то в его руке будет нож или кастет. Но когда он обернулся, я остолбенел. На меня смотрел ствол. Я узнал пистолет «Макаров», который мы проходили наряду с автоматом Калашникова на военной кафедре в универе. Да, всё как в кино, только ствол был реальный и дуло было направлено в мою грудь. И это было не кино. Его палец лежал на спусковом крючке, и голос: «Извини, братуха. Очень уж хороша у тебя Маруха».

Всё как будто остановилось. Замерло. Я чувствовал, что сейчас он нажмёт на курок. Мой организм устроен очень нестандартно. Во время опасности, физической или сильнейшего стресса, когда кажется, что всё летит в тартарары, когда большинство в таких ситуациях паникуют и падают духом, мне вдруг становится пофиг. Приходит необъяснимое спокойствие. Я почувствовал, как мгновенно рука Вехи стала ледяной и задрожала мелко-мелко, а ещё я услышал дробный клацающий стук. Это стучали её зубы. И тут в мозгу молнией пронеслась наука, полученная этим летом в стройотряде от моего бурщика по кличке «Пуля».

— По тюле вяжешь? По фене ботаешь? — начал я, на нервяке срываясь на фальцет. — По тыкве дам, и шлифты сами выпадут. Всё, шлагбаум. Мой братан на вертолёте лямку тянул в пересылке во Владимирском центре, — и далее в том же духе на блатоте. А закончил коронкой от моего учителя по воровскому жаргону: — Стреляй, сука! Ебал я тебя с бугра по-волчьи!

Колян оторопел:

— Брательник, а ты кто? Ты чё, свой, што ли?

— Почти свой. Мой старший брат, царствие ему небесное, оставил мне это в наследство. А сам схватил ментовскую пулю в затылок, когда совершал побег с кичмана.

— Тогда отбой, — процедил Колян. — Мы не той дорогой идём.

Он развернулся, убрал ствол за брючный ремень и зашагал в другом направлении. Мы за ним. Через полчаса мы уже звонили из переговорной кабинки по автомату родителям Вехи. Затем вышли из душной переговорной на свежий воздух. Колян курил около входа. Мы рас-

прощались. Обнялись по-братски, и мы зашагали в сторону автобусной остановки, которая была в квартале отсюда и дорогу к которой он нам объяснил.

Через сто метров к нам подошёл какой-то алкаш и попросил закурить. Я ответил, что не курю. И вдруг раздался крик:

— Эй ты, урод! Отойди от ребят.

Это бежал на подмогу Колян, который смотрел нам вслед, пока мы покидали его «гостеприимный» квартал. Алкаш тут же ретировался. А наш убийца, он же спаситель, сказал:

— Нет. Сам посажу вас на автобус.

Всю обратную дорогу мы с Вехой ехали молча. Каждый прокручивал в голове варианты возможных событий. Через час мы были у подруги дома. И тут меня вдруг отпустило. Передо мной стоял тот самый ствол, чёрный, с кое-где облупившейся краской, не новый и, видимо, со спиленными номерами. Меня затрясло. Я осознал, что произошло Чудо. Я, а возможно и Веха, остались в живых, притом, что её ждало более серьёзное испытание перед кончиной. В голове мелькнула и осталась там жить навсегда мысль, что я Везунчик. И это доказанный и неоспоримый факт. И когда я это понял, осознал и принял, то на душе стало весело и спокойно.

Надюха достала припасённую для особого случая бутылку портвейна «777» 0,7 литра, и я тут же махнул гранёный стакан. За ним второй. Досталось и подругам. Отмечали два события: отъезд и чудесное спасение.

К вечеру следующего дня я вручил беглянку родителям и её брату. Мама всплакнула, отец не вышел нас встречать, а брат долго тряс мою руку и благодарил.

Крыса, 1969 год

Когда то давно, в студенческом стройотряде, мы «тянули» в казахской степи ЛЭП — 220 кв. Все мы, хоть и были студентами, имели квалификацию «монтажник-высотник 3-го разряда». И всегда бросали жребий: кому подниматься на первую опору и на последнюю. На первую, потому что не было опыта и страшно сорваться вниз. На последнюю — страх сорваться от невнимательности и усталости. Ведь работали мы с шести утра до заката солнца, которое в летние месяцы уходило на покой после трудового дня почти в десять вечера.

И вот рыжему, вихрастому, зеленоглазому Димке по кличке «Оторва» выпала последняя опора. Он надел монтажный пояс, клетчатую кепку, под которую не умещалась вся его огненная шевелюра, и полез вверх. Пока продвигаешься вверх по конструкции, карабин не пристёгиваешь. Слишком часто надо повторять эту процедуру, а значит, мучительно. Мы же считали себя профи! Нужен шик! Пристёгиваешься уже на верхотуре.

И вот «Оторва» сорвался с двадцатиметровой высоты. Но ему отчасти повезло. Пристёгнутый к монтажному поясу карабин, а значит и страховочная цепь, при падении зацепились за монтажный рельс, шедший параллельно земле на десятиметровой высоте. Рельс спружинил пару раз и скинул Димку практически на наши руки. Мы сгрудились в то время внизу и курили. И только дикий крик «Оторвы» вывел нас из оцепенения, и мы как-то смогли и ухитрились его поймать. Конечно, не в полной мере. Он пробил наши руки и прилично грохнулся о землю.

И вот он лежал без сознания, а мы стояли и смотрели на него с немым вопросом: «Жив или нет?» Наконец он открыл глаза, улыбнулся и медленно стащил кепку с мокрой головы. Наш рыжий Димон был абсолютно седой. Скорая увезла его в местную больницу.

Когда я через три дня получил разрешение его навестить, он, лежа в кровати, тихим голосом мне сказал: «Гарик, за эти мгновения вся моя жизнь, как мне показалось, стремглав, но в хронологическом порядке пролетела передо мной, начиная от песочницы и до момента падения».

С Димоном мы корешились ещё с учёбы в МВТУ им. Баумана. И вот сейчас, сидя в палате у его кровати, мы вспомнили эпизод из нашей стройотрядовской жизни. Развлечений в селе, где мы квартировали, практически не было. Каждый день, когда мы затемно приезжали с прокладки ЛЭП, после короткого ужина происходила одна и та же сцена. Мы вваливались в нашу комнату в бараке, где стояли двенадцать кроватей, и валились на них, в чём были. Свет выключать забывали. А поскольку нашей будущей профессией была работа в энергетике страны, кто-то из нас кричал: «Руби фазу!» И чей-то сапог летел в лампочку, болтавшуюся под потолком на проводе вместо люстры. Наутро, когда мы уезжали в степь на линию, кто-то из местного персонала вкручивал новую.

Мы работали втроем. Я, Димка и Стас. Стас был бурщиком. Точнее, он был водителем ГАЗ-3381, на котором был смонтирован бурильный агрегат АББ-2М, выпускаемый заводом им. В. В. Воровского. Также он бурил нам лунки под бетонные пасынки, на которых устанавливалась опора ЛЭП.

Впервые я встретил его рано утром у рукомойников, которые висели рядами у нашего барака. Я вышел, как всегда в 5.30 утра, в трусах и с белым «вафельным» полотенцем на талии. Начал умываться и вдруг услышал осипший голос:

— Эй, студент! Ты лосьон «Утро» пил? А жидкость для ног пил, студент?

Я мотнул отрицательно головой.

— Сушит горло, студент. Сушит.

Этот алкаш, как выяснилось, только приехал и оказался нашим бурщиком. Стас был парень с «багажом». Он отмотал восьмилетний срок за разбойное нападение и теперь встал на путь исправления. На зоне у него было погоняло «Пуля».

Опора крепится на четыре бетонных пасынка типа ПТ-33–2 массой 250 кг. Мы их сами, вручную, грузили в грузовик, с которого их потом скидывали около опор на линии. При погрузке мы ужасно напрягались, и наши брезентовые штаны от робы лопались по шву на попе. Мы их обычно «сшивали» мягкой медной проволокой. Так и ходили. Деревенские девчонки не могли сдержать смеха, глядя на наш вид сзади, где было видно, в каких труселях ходит их хозяин.

И вот наш Стас поспорил с Димоном, что он съест живую крысу. Ставка — весь заработок Димона или его, в зависимости кто выиграет спор. Надо сказать, что за лето мы зарабатывали приличные бабки. Два сезона в степи — и первую модель жигулей ВАЗ-2101 можно было купить. Конечно, по госцене.

Ударили по рукам. Отловили крысу. Поместили в кастрюлю. Это оказалась *Rattus norvegicus*, самая крупная особь в России, или тогдашнем СССР. Наш экземпляр был размером 21 см, не считая хвоста. Практически тёмно-серая и очень упитанная. Собрался весь стройотряд. Все 42 человека образовали плотное кольцо, внутри которого стояла закрытая кастрюля с обедом для Стаса. Стали делать нешуточные ставки: съест или нет. Кастрюля подрагивала, и крышка дребезжала. Видимо, крысе было неудобно и жарко в замкнутом пространстве.

Стас разделся по пояс и сел на землю перед кастрюлей по-турецки, скрестив ноги. Он достал из сумки две бутылки «Солнцедара». Это было красное креплёное вино (18 град.) самого низкого качества, или попросту бормотуха. В то далёкое время оно разливалось в бывшие в употреблении бутылки из-под шампанского — «бэцманы». Выпускалось Геленджикским винзаводом, стоящим в посёлке Солнцедар на Тонком мысе близ Геленджика. Исходный алжирский виноматериал Мерло или Каберне танкерами доставляли в Новороссийск, и оттуда по винопроводу он перегонялся на местный винокомбинат. Правда, перед наливом танкеры очищали пропаркой и покрывали специальным пищевым лаком. Даже Вадим Ерофеев упоминает эту бормотуху в своей знаменитой поэме 1970 года «Москва — Петушки». Вино имело прозвища: «чернила», «огнетушитель», «клопомор», «средство от тараканов», «краска для заборов». Ходили шутки вроде: «Силачом слыву недаром — похмеляюсь “Солнцедаром”». Стоило пойло, даже по тем ценам, копейки — 1 р. 56 коп. Много людей ушли в иной мир после тёплого общения с «божественным напитком».

Стас ловко отбил горлышко у первой бутылки «Солнцедара» и, широко открыв рот и не соприкасаясь с ней губами, медленно и со знанием дела влил всё содержимое бормотухи в себя. Толпа замерла. Он ещё посидел минут пять, видимо собираясь с духом, или ждал действия напитка. На кону стояло практически полмашины. Тогда мы не знали иномарок. Да и «Жигули» оставались для большинства жителей великой страны СССР несбывшейся мечтой.

Стас осторожно приоткрыл крышку глубокой кастрюли, он знал, что крыса может оттуда выпрыгнуть. Из посуды показалась жуткая оскалившаяся ужасная морда зверька. Она запищала и одновременно жутко зашипела. Стас ловко схватил её левой рукой в строительной перчатке чуть пониже головы, как будто делал это ежедневно. Он смотрел на неё невидящими глазами, и мы практически все были уверены, что он этого никогда не сможет сделать.

Всё остальное произошло молниеносно: он зажал голову крысы между стенкой кастрюли и крышкой, со всего маху ударил правой рукой по крышке посуды. Раздался мерзкий хруст. Из раздробленной головы и пасти мерзкого грызуна брызнула тёмно-коричневая кровь и окропила его лицо. Недолго думая, Стас впился зубами в волосатый тёмно-серый хребет грызуна и рванул шкуру, срывая её с тушки. После нескольких попыток это ему удалось. Пот градом катил с него, грязные волосы прилипли к лицу, и в остекленевших округлившись глазах его стоял ужас. Он запустил свои заскорузлые пальцы с грязными длинными ногтями в тушку, вырвал кишки и бросил на землю.

Многих стоящих вокруг стало тошнить, некоторых рвало, а кому-то из девочек стало дурно. Вокруг уже стоял гвалт, крики и оханье. Картина была, как из фильма ужасов. Тем

временем почти озверевший Стас уже кромсал зубами мясо крысы, отрывая его от костей. Через пять минут всё было кончено. На пыльной земле лежал обглоданный скелет ужасного грызуна с раздробленной головой, его шкура, хвост и потроха. Рот «Пули», его лицо были в крови и слизи.

Он вскочил на ноги, отбежал за угол нашего барака, и его вырвало. Он отбил горлышко второй бутылки бормотухи, влил содержимое в себя, вытер руку о штаны и, засунув её глубоко себе в глотку, вызвал повторную рвоту. После этого медленно пошёл, качаясь, к жестяным рукомойникам, висящим на гвоздях, где мы обычно умывались. Долго мыл с хозяйственным мылом руки и лицо.

Вечером у него поднялась температура. Его знобило и трясло. Жутко болел живот. Директор сельсовета, где мы квартировали, дал машину, и в сопровождении местного врача Стаса отвезли за 80 км в городскую больницу.

Мы все были уверены, что больше его не увидим. Нам с Димоном дали нового бурщика, и время покатилося своим чередом. Но к концу лета, когда у нас была госприёмка нашего участка ЛЭП, он появился. Осунувшийся и сильно похудевший Стас сказал, что он сбежал из больницы, не долечившись, ведь его ждал выигрыш. Через три дня нам должны были выплачивать зарплату. К сожалению рыжего Димона, его место к кассе занял Стас по прозвищу «Пуля»...

А сам Димка умер в больнице на следующий день после моего посещения. Сердце его не выдержало. Всем отрядом мы провожали его в последний путь на железнодорожной станции. Димон лежал в цинковом гробу, седой, строгий и серьёзный. Путь был неблизкий. Родители его жили в Норильске. Мы оплатили всем отрядом траурные расходы. Гроб запаяли, и отправили малой скоростью нашего весельчака, любимца всего третьего курса, рыжего Димку, далеко на Север, в Норильск, к его родителям.

Воображаемый поворот «Калейдоскопа», и я уже в другом мире, будто машина времени мгновенно переместила меня на пару лет вперёд, в самое сладкое время моей жизни — учёбу в аспирантуре...

Испытание судьбой, 1971 год

Наши встречи с моей любимой девочкой продолжались, несмотря на то, что и мои родители, и её были категорически против. Да, мы явно были не пара: она из простой семьи, где родители звёзд с неба не хватали. Мои же предки были людьми интеллигентными, образованными: мама — детский зубной врач, а отец, окончив два вуза и Высшую партийную школу при ЦК КПСС в Москве, был направлен на госслужбу в Архангельск, а затем, когда стали поднимать Казахстанскую Целину, в одну из областей Республики, где добился серьёзных успехов и был награждён многочисленными орденами и медалями. Был избран в Бюро Обкома партии и депутатом местного законодательного собрания.

Но меня мнения обеих семей не волновали абсолютно. Я твёрдо решил жениться на Вехе. Я тогда ещё не умел различать любовь и страсть. Это был мой первый серьёзный опыт общения с противоположным полом. А несерьёзный был всего один раз, с поварихой нашего стройотряда. Веху я желал 24 часа в сутки. В вопросах секса, несмотря на молодость, она была много опытней меня. Плюс её бешеный темперамент и раскованность в плотских утехах. Да и моя кровь, казачьих предков с Дона, тоже давала о себе знать.

Но человек предполагает, а Судьба располагает. С этим мне пришлось уже через два года столкнуться. И жизнь сделала крутой вираж, вжимая меня в воображаемое кресло своими перегрузками.

После четвёртого курса нас направили на преддипломную практику на Павлодарскую ТЭЦ-3 в Казахстане. Жили мы с ребятами в общежитии недалеко от станции. Днём ходили по цехам, изучали работу оборудования под присмотром наставников. Вечером пили вино и играли в преферанс. Расписывали обычно «пулечку» под названием Ленинградка.

В один из дней на ТЭЦ случился аврал. Котёл № 3 пошёл на аварийный останов. Как полагается в таких случаях, сработала защита: подорвались БРОУ[1]¹ и РОУ[2]², выбрасывая в атмосферу сотни тонн пара с t 560 град С и давлением 140 атм. Грохот был слышен за 20 км от станции. ТЭЦ-3 резко сбросила электрическую и тепловую нагрузку. Отключился ряд предприятий города и часть жилого сектора. А поскольку было начало лета и большинство работников станции были в отпусках, то в помощь аварийной бригаде, примчавшейся из города, кинули и нас.

Чтобы было ясно, что представляет собой котёл БКЗ-420–140 Барнаульского котельного завода, поясню. Это стальная конструкция высотой 49 метров, что сопоставимо с высотой хорошей жилой многоэтажки. По высоте и по периметру топки внутри плотно, одна к одной, уложены трубы, по которым циркулирует вода. Вода подогревается 6 форсунками, по которым турбулентно, под давлением, вдувается угольная пыль или мазут. Постепенно, по мере нагрева, горячая вода поднимается в барабан, который находится на самой высокой отметке котла, где превращается в пар, который затем перегревается там до t 560 град С при давлении почти в 150 атм. Толщина стенок барабана котла из высокопрочной высоколегированной стали 16 ГНМ доходит до 12 см.

Когда мы поднялись на последнюю отметку в 42 метра, то были мокрые, хоть выжимай. Согласно технике безопасности, мы были экипированы в каски с шерстяными подшлемниками, фуфайки, ватные брюки, кирзовые сапоги и двойные рабочие перчатки. Всё это должно было как-то уберечь нас от высоких температур.

На последней отметке котла температура снаружи доходила до 45 градусов. Но это были цветочки. Нам предстояло работать внутри барабана котла, который нормально должен осты-

¹ БРОУ — быстродействующая редукционная охлаждающая установка.

² РОУ — редукционно-охлаждающая установка.

вать трое суток. Но был аврал. Котёл простоял только несколько часов. И нам предстояло в него забраться. По нормам всё той же техники безопасности, было положено в барабане работать 15 мин, причём не при температуре 55 град. С, как сейчас, а гораздо меньшей, затем 30 мин отдыхать снаружи.

Когда мы туда залезли, то сначала не могли дышать, кружилась голова, пот стекал по ногам в сапоги и доходил в них почти до щиколоток. Мы решили, что если через 15 мин выберемся отсюда, то никакая сила не сможет нас загнать туда обратно. С пацанами мы договорились: сколько сможем продержаться внутри, столько и будем работать. Молодое — оно, как правило, бесшабашное и бездумное.

Мы выдержали час с четвертью. Нас практически доставали в полубессознательном состоянии наружу под маты мастера аварийной бригады, который отвлёкся и не проконтролировал наши действия. Спуск с отметки 42 метра по металлическим лестницам, напоминающим корабельные трапы, происходил с черепашной скоростью. По мере спуска нас начало морозить, т. к. перепад температур за столь короткое время оказался значительным. Мы дотелепались до душевой с единственным желанием — немедленно встать под горячий душ.

Но, увы, мы забыли про аварию. Да и рабочая смена ещё не закончилась. Из кранов бодро шла только холодная вода. Ребята мыться не стали, посидели, пришли в себя и, обтеревшись полотенцами, двинули в общагу.

Перед уходом мой одноклассник, Валера Садовников, сказал:

— Не будь идиотом! Не лезь под холодную.

А Саня Шилов добавил — просто покрутил пальцем у виска. Но я же был понтарь и спортсмен в одном лице. А понты всегда идут впереди рассудка. Я встал под холодные струи и ощутил, что меня как будто окатили кипятком. Меня обожгло. Но это был холод. Сердце прыгнуло куда-то в затылок. Быстро намылившись и ополоснувшись, я принялся энергично растираться полотенцем. Но это было обычное в то время, маленькое белое вафельное полотенце. И никакой махры.

Я наскоро оделся, но меня продолжало колотить. Добравшись до общаги, я увидел: пацаны купили пол-литра беленькой.

— Гарик, прими, — Валера протянул мне пол гранёного стакана водки с перцем.

Я мгновенно его «хряпнул» и тут же попросил ещё вдогонку. Немного стало лучше, но ночью поднялась температура, начался жар. Я догнал аспирином, но меня колотило. Кто-то из ребят позвонил по межгороду Вехе, и она примчалась на следующий день с кучей каких-то таблеток, мазей, растираний и горчичников. Она проявила себя как настоящая боевая подруга. Уже от одного её вида мне стало лучше. Она спала со мной на одноместной панцирной кровати в нашей общей комнате, не стесняясь ребят. Пыталась, как могла, ободрить, согреть и вылечить меня. И я медленно пошёл на поправку. Через неделю она вынуждена была уехать.

У меня оказался сильный организм. И мне показалось, что я оклемался. Как выяснилось позже, это только показалось. Страшная болезнь затаилась в моих лёгких, как бомба с часовым механизмом. Таймер сработал, и начался обратный отсчёт.

Мы вернулись по домам и через три месяца взялись за дипломный проект. Я начал чувствовать недомогание. Слабость. Всё время потел. Я не мог стоять дома перед кульманом и чертить схемы и чертежи диплома. Ноги меня не держали. Я ставил стул, становился на него на колени и работал, обливаясь потом, как будто находился всё ещё в том жарком барабане на отметке 42 метра.

Мама это заметила. От любящих мам вообще что-либо трудно скрыть. Особенно когда это единственный и ненаглядный сынуля. Она начала таскать меня по врачам. Мама была лучшим детским стоматологом города и знала всю местную врачебную элиту, и её все знали и уважали. Никаких УЗИ и КТ тогда в провинциальном республиканском городке не было и в

помине. Высшее достижение местной медицины: анализ крови и рентген. Грешили на сердце, но мама им не верила и оказалась права. Как проморгали очаги в лёгких, одному Богу известно.

Я был успешным студентом, защищал честь вуза на спортивных соревнованиях. У «преподов» был в фаворе. И вот настал день защиты диплома. Я стоял перед комиссией, позади меня мои 8 ватманских листов диплома, вымученных мною. Лица преподавателей уже расплывались у меня перед глазами. Преподы были в недоумении. Я стоял мокрый с головы до пят. Ноги меня не держали. И прекрасно выполненный диплом я с трудом защитил на хлипкую троечку. Комиссия была разочарована. Они не могли понять, что произошло с их любимчиком, которого они знали как умного и успешного студента.

Еле дотащившись домой, я увидел побелевшие лица родителей. Последние анализы крови и сделанный накануне рентген показали: двусторонний туберкулёз лёгких. В левом лёгком каверна, в правом туберкулома. Это прозвучало как приговор военного трибунала. В те далёкие годы с таким диагнозом лечивались, а значит, и выживали не более 20 % заболевших. Я рухнул на стул...

Стоики, 1973 год. Dum Spiro Spero

На следующий день я очутился на ул. Камзина, дом 275 в Павлодарском областном противотуберкулёзном диспансере в двенадцатиместной палате. Это было четырёхэтажное здание старой постройки, которое здоровые горожане предпочитали обходить стороной. Присутствовали два отделения: терапевтическое и хирургическое. Естественно, в то время никаких навороченных аппаратов типа МРТ, КТ, УЗИ не было, оборудование было примитивным. Практиковали рентгенологические методы диагностики, а также клинические и лабораторные исследования.

Хирургия тоже ещё не обрела нынешние передовые методики. Делали искусственный пневмоторакс и пневмоперитонеум, бронхоскопию, а также химиотерапию и глюкокортикоидную терапию для пожилых пациентов. Кололи антибиотики: канамицин, циклосерин, амикацин. Важное место занимали препараты группы фторхинолов, такие как ципрофлоксацин, их применяли полным курсом, ввиду наличия вторичной микрофлоры у больных с деструктивными распространёнными процессами в лёгких.

В таблетированной форме применялся в основном противотуберкулёзный препарат ПАСК — натрия аминосалицилат, который проявляет активность исключительно в отношении *Mycobacterium tuberculosis*. Это были крупного размера таблетки, примерно как таблетки валидола. Назначали их по 12 г три раза в сутки. Выглядело это прикольно: даже в моей маленькой ладонке вырастала приличная горка этой «гадости», которую было желательно проглатывать, запивая молоком.

Уколы тоже по два раза на день. Через два месяца, при условии, что медсестричка не забывала делать вам йодистую сетку, на мягкой точке в зоне поражения иглой начинали образовываться твёрдые, как камень, узлы. Садиться на что-то твёрдое становилось практически невозможно, а если при очередной инъекции игла натыкалась на такой «камень», то просто гнулась. Через пару месяцев непосредственно перед уколom ваше мягкое, но не везде, место сестричка пальпировала, отыскивая место для введения иглы.

Лечение было ещё тяжёлым и потому, что давало множество побочных эффектов. Страдали не только лёгкие, но и сердечно-сосудистая система, развивалась гипертония, нарушалась перистальтика кишечника и страдал желудочно-кишечный тракт, народ исходил поносами, у некоторых образовывалась и открывалась язва желудка, мучили тошнота и рвота, разваливалась центральная нервная система, тело покрывалось аллергическим дерматитом, начиналось воспаление щитовидной железы — гипотиреоз. Иммунная система просто не выдерживала и сдавала. Это в общих чертах.

В нашей двенадцатиместной палате мне, как Везунчику, досталось «козырное место»: недалеко от окна, в углу и, главное, далеко от раковины, в которой каждое утро все мои сопалатники совершали утренний моцион. Народ был в основном простой, без затей, работяги, одним словом. Все остальные удобства в конце коридора.

После долгой беседы с лечащим врачом Игорем Владимировичем Ильинским, обследования, сдачи всех дополнительных анализов я был представлен коллективу палаты и мне были указаны моё койко-место и тумбочка. Всё «времен Очакова и покорения Крыма». При открытии дверцы тумбочки она просто отвалилась.

Проложив газетой две её полочки, я разложил свои нехитрые пожитки. Прилёг на выдавшую лучшие дни кровать, ощутив запах дезинфицирующей хлорки, посмотрел на потолок в сеточке треснувшей штукатурки и бледно-жёлтые стены палаты с кое-где отслаивающейся краской, оглядел такие же жёлтые и мрачные лица «коллег», более похожих на заключённых, и приуныл. И было отчего: даже у меня, бесшабашного, несерьёзного и легкомысленного, из

лёгких при кашле вылетали плотные жёлто-зелёные куски плоти, которые я прятал в носовые платки. Хорошо, что пока не было кровохарканья.

Но мне и врачам было ясно: распад моих лёгких идёт полным ходом. Как в песне: «Наш паровоз вперёд летит, в коммуне остановка...». При каждом вдохе-выдохе лёгкие хрипели и посвистывали, но не так залихватски, как у Соловья-Разбойника, а так, что, когда звук из них вырывался наружу, мне казалось, что кто-то в них поселился нехороший. Главная его нехорошесть заключалась не только в издаваемых им звуках, отхаркивании и боли при вздохе, но, главное, в постоянной депрессии. «Но тот, который во мне сидел», её просто генерировал, как energizer: «Всё, касатик, пожил, поураганил немножечко, и “хорэ”. Пусть другие поживут».

И с этим приходилось ежедневно и постоянно бороться: не обращать внимания поутру на захарканную, забрызганную кровью раковину в палате, на лужи мочи в туалете, где на полу лежали деревянные решётки, а под ними перекатывались жёлто-коричневые волны с одурманивающим запахом, что в палате нашей на двенадцать человек постоянно висел над нами тяжёлый дух, так как маленькая форточка была постоянно закупорена, задраена, как иллюминаторы на корабле в шторм, так как народ боялся сквозняков. Надо было не обращать внимания и попытаться заснуть, несмотря на ночной кашель, тяжёлый, с отхождением мокроты и крови у ребят на соседних койках. Нужно было закрывать глаза и не вспоминать, как в течение двух месяцев мы потеряли двух молодых ребят двадцати восьми и тридцати лет от роду, которых вывезли из палаты на каталке, накрытых простынёй и ногами вперёд.

Но была одна очень странная и положительная тенденция. У таких больных, может, не у всех, но у некоторых, и у меня в том числе, была почти постоянная эрекция или мысли о сексе. Но возможности сбросить это возбуждение у народа практически не было, только, пожалуй, рукоблудие. И вот тут я имел исключительное преимущество перед всеми остальными отшельниками тубдиспансера. У меня была верная боевая подруга, бесстрашная юная Веха...

Утренний моцион начинался с того, что выстраивалась небольшая очередь в палате перед раковиной для умывания. Я старался оказаться в числе первых, так как уже после подходов трёх-четырёх человек зрелище было не для слабонервных, особенно в первые дни. За ночь в наших поражённых лёгких скапливались слизь и гной, кровь и мокрота, и всё это хотелось поутру как можно скорее извергнуть наружу, хоть на полчаса вздохнуть свободно. Поэтому если ты подходил делать утренний моцион в конце очереди, то вид перед тобой открывался, прямо скажем, не как на картине Клода Моне «Водяные лилии», или «Кувшинки». Но перед просмотром произведения, созданного моими коллегами по несчастью, борцами за выздоровление, а значит, и за саму Жизнь, ты вынужден был прослушать какофонию звуков, которая тоже мало напоминала «Венгерскую рапсодию» Ференца Листа.

Понятие «санитайзер» тоже ещё не вступило в права. На краю раковины стояла трёхлитровая банка с разведённой марганцовкой. Народ, очищаясь, полоскал рот и горло, некоторые, более продвинутые, после себя поливали и на раковину.

Затем очередь перемещалась в процедурную, оголяя там свои исколотые задницы под новые дырки, и принимала таблетки. После этого маршрут лежал в столовую на завтрак: обычно манная каша, хлеб, кусочек сливочного масла, иногда и сыра, сахар и коричневая жидкость под названием какао.

Далее свободное время, основная масса шла играть в домино, это было самое любимое занятие. Летом на большой террасе второго этажа, зимой тоже на втором, но в холле, где вечером включали телевизор. Вот и вся развлекательная программа областного тубдиспансера.

Посещения нашего заведения родственниками и знакомыми были строго регламентированы. Три раза в неделю в определённые часы. Болезнь у больных туберкулёзом бывает в двух ипостасях: открытая форма заболевания и закрытая. Я ведь Везунчик и пока не докатился до открытой формы, которая резко ограничивает круг общения со здоровыми людьми, его время и формы.

Чаще всего меня навещала мама. Во дворе заведения, среди редких деревьев и кустов, стояли три лавочки. Мы обычно выбирали самую дальнюю и уединённую из них. Мама приносила мне горячую пищу, приготовленную её заботливыми руками: супы, борщи, наваристые жирные бульоны и разнообразные вторые блюда. Питание таких больных, по всем медицинским догмам, должно быть высококалорийным, а кормили нас так, что кусок в горло не лез, а на жижу, называемую супом, и смотреть не хотелось, а уж употреблять в пищу тем более.

Мама страшно переживала за меня и очень волновалась, но старалась этого не показывать, всячески поддерживала меня и говорила, что мой крепкий спортивный организм непременно справится с этим недугом.

У моей мамы, Галины Ивановны Зенченко, был очень принципиальный, стальной характер. При вступлении в брак с папой, которого она сильно любила, она отказалась менять свою девичью фамилию, и никто, даже её мама, моя бабушка, не смог убедить её сделать это. На одном из открытых партийных городских собраний первый секретарь обкома партии, выступая с высокой трибуны, сказал: «Советую всем коммунистам нашей организации брать пример и так отстаивать наши партийные интересы, как делает это беспартийный товарищ Зенченко».

Мой папа, Николай Иванович Братчиков, был областным руководителем и депутатом местного заксобрания, очень занятым человеком и мог меня навещать только по субботам. Папа в семнадцать лет ушёл на фронт, был награждён многими правительственными наградами, как в мирное время, так и боевыми, включая медаль «За отвагу», был тяжело ранен и контужен, что не позволило ему пройти всю войну до конца.

Это был стальной человек. Однажды дома в воскресенье он ремонтировал деревянную гардину. Нож, которым он орудовал, сорвался и нанёс ему серьёзную травму, разрубил сухожилия у основания большого пальца правой руки. Кровища хлестала, мама, как могла, забинтовала кисть, и мы с ним вдвоём поехали на автобусе в травмпункт, который находился на другом конце города. Скорую папа вызывать отказался.

В травмпункте дежурный хирург стал сшивать его сухожилия под местной анестезией, которая в то время была примитивной, а папа сидел и смотрел, как он это делает. Тогда хирург взмолился: «Прошу Вас, не смотрите! Я не могу так работать». И папа отвернулся. Все эти воспоминания давали мне силы не дрогнуть и держать семейную марку на должном уровне.

Поскольку ночами мне не спалось в нашей душной и беспокойной «келье», я попросил маму привезти мне какую-нибудь книгу. Как уже говорил, я обожал детективы известных иностранных авторов, но мама привезла мне томик Фёдора Михайловича Достоевского. Я был удивлён. Я уже пытался начинать читать его роман «Идиот», но он наводил на меня тоску и скуку, вгонял в депрессию. Я удивился, но ничего не сказал маме. Сейчас у меня в руках был роман «Братья Карамазовы». Я не знаю, что произошло в моём воспалённом болезнью мозгу, но я увлёкся. Я читал везде: летом — днём на лавочке и по ночам на сестринском посту рядом с дежурной медсестрой, пока меня не клонило в сон. Осенью, когда стало прохладно на улице, читал днём в больничном коридоре. Теперь, наоборот, Достоевский давал мне силы, вселял уверенность, надежду и стойкость.

За пять месяцев я одолел десять томов из семнадцати, которые были в библиотеке моего отца. Десять романов этого титана, удивительного знатока человеческих душ и судеб, перевернули всё моё сознание, породили во мне вместо депрессии дикую уверенность, переходящую порою в самоуверенность. И сидела во мне эта дикая, ни на чём не основанная самоуверенность, наглая, безбашенная, бездумная, легкомысленная. Сидела во мне, как сидит 100 мм гвоздь, вбитый с одного удара опытной рукой мастера в мягкую свежеструганную доску.

Эта уверенность, а точнее самоуверенность, в дальнейшем осталась во мне, поселилась в моём мозгу на долгое время и принесла мне впоследствии много бед и проблем. Но сейчас она спасала меня от смертельной болезни, я на 100 % был уверен, что вылечусь, выздоровею. Всё моё существо кричало, вопило внутри меня, что я буду Здоров! Видимо, это самое главное, что

помогло мне выбраться в далёком 1973 году из адского кошмара под названием «двусторонний туберкулёз лёгких».

Каждое воскресенье моя девочка, моя бесстрашная Веха приезжала меня навещать и привозила с собой что-нибудь вкусенькое. Нам нужны были как воздух секс, прикосновения, объятия, поцелуи, признания в любви, тактильные ощущения. Мы прятались за лавочками, лёжа на траве летом, делая это наспех, с опаской, что кто-нибудь нас застукает, но в начале сентября стало прохладно, и в моём состоянии развлечения на траве могли закончиться печально.

Тогда Веха предложила:

— Давай в следующее воскресенье сорвёмся ко мне на дачу! Я достала блок «Marlboro», а ты договорись с дежурным врачом.

И она сунула мне в руку при прощании пластиковый пакет с сигаретами. В то время это был бешеный дефицит, и я без труда договорился с врачом обо всём. Она прикатила в субботу после отбоя на такси и с ворохом одежды своего брата, так как мы все ходили в пижамах, полученных в диспансере. Я переоделся в такси, и через час мы были на месте.

Это был обычный деревянный домик её предков, стоящий на шести сотках. Ночи стояли холодные, и первым делом я растопил печку-буржуйку. Веха накрыла стол всякой вкуснятиной и нашим любимым греческим натуральным апельсиновым соком в жестяных банках. Но сначала мы прыгнули в кровать, заботливо накрытую ею свежим постельным бельём. Опять, как и раньше, мы начали с нашей любимой позы, и её ножки оказались у меня на плечах. Но всё это длилось недолго, ведь у меня не было практики уже две недели, а желание сидело во мне размером с Эверест. Тогда мы решили сделать паузу и подкрепиться.

Через полчаса я вновь был в ней, и то ли Эверест выиграл во мне, то ли я нутром почувствовал, что скоро мы расстанемся, но Веха вдруг так застонала, испустив крик, и впилась мне в плечи ногтями сильнее обычного. Потом, когда мы лежали рядом, счастливые и потные, она прошептала мне на ухо:

— Любимый, я чувствовала твоего малыша у себя в горле!

Я лежал гордый и довольный, и до утра мы не смыкали глаз, навёрстывая всё, что было упущено за прошедшее время.

В семь утра я был уже у себя в палате и рассказывал небылицы, где провёл ночь, своим соседям по борьбе с недугом. Я гнал первую попавшую мне на ум «пургу», но мне, конечно, не верили. Тягостно и мучительно, но пять с половиной месяцев моего пребывания в диспансере подходили к концу, когда мама в одно из посещений удивила меня новостью:

— Сынок, папе удалось достать через Москву путёвку в противотуберкулёзный лечебный санаторий «Долоссы» в горах в Крыму, над Ялтой. Завтра тебя выписывают отсюда, и через два дня ты уедешь продолжать лечение туда. Билет мы тебе уже купили.

Я онемел, впал в ступор. Ведь при поступлении сюда мой лечащий врач Игорь Владимирович Ильинский мне сказал:

— Гарик, у тебя серьёзно поражены обе стороны лёгких. Лечение будет длительным и тяжёлым, сразу настраивайся на год в лучшем случае. Держись молодцом. От психологии многое зависит. Настроись на победу, значит, и победишь.

И вот теперь я не мог поверить, что завтра меня здесь уже не будет, а ещё через два дня я увижу море, вдохну его чудесный запах. Это было что-то из мира грёз, и этот мир для меня открыл мой папа.

Я ничего не сказал своим собратям по палате, чтобы не вгонять их в тоску. Просто сообщил, что родители переезжают в другой город, и меня переводят в другой тубдиспансер.

Наутро приехали оба моих «предка», получили выписку от лечащего врача, отблагодарили его и медсестёр и передали мне пакет со сладостями для ребят. Когда я собрал их возле себя в кружок у моей койки, раздал вкусности и стал прощаться, то заплакал, плакали и многие из них. У таких больных нервы оголены и искрят. Я знал: несмотря на то, что мы обменялись

адресами и телефонами, большинству из нас не суждено будет ни увидаться в будущем, ни созвониться. Общая беда, как известно, сплачивает. Несмотря на то, что мы все были такие разные как по социальному статусу, так и по происхождению, за это время, где день засчитывается за три, мы сроднились, спаялись, сцементировались, стали одной семьёй. Все мы были СТОИКАМИ. Старались не хныкать и поддерживали друг друга, как могли. Ведь мы были все эти месяцы одной командой на корабле, по которому бьёт с берега вражеская артиллерия, и никто не знает, уцелеет ли он сам в конце обстрела, когда кончится канонада.

Через сорок минут я был уже дома, поглощал великолепный мамин обед, ходил по квартире, не веря, что я реально здесь присутствую, вдыхал родные запахи и проводил кончиками пальцев по корешкам любимых книг в папиной библиотеке. Было ощущение, что всё, я здоров, и я снова дома, и снова в строю под названием жизнь, причём без присутствия ей угрозы. Но это, конечно, было не так. Причём далеко не так...

Первый из двух дней, оставшихся до отъезда, я не мог покинуть мой отчий дом. Я наполнил ванну горячей водой, бросил в неё три ароматические хвойные таблетки, так как пен для ванн ещё не изобрели, протянул на длинном шнуре телефон из отцовского кабинета, взял очередной непрочитанный том Ф. Достоевского и, болтая по телефону со своими однокурсниками, которые уже приступили к работе после окончания вуза, а в перерывах читая, провёл почти весь день. Вечером не мог наговориться с родителями, ведь я уезжал надолго и не знал даты возвращения. Перед сном позвонил шокированной Вехе, которая была ещё не в курсе последних событий о моём стремительном отъезде, и пообещал завтра заскочить к ней попрощаться.

На следующий день я сначала поехал к Сане Моисеенко, моему товарищу, юристу, очень импозантному, доброму и отзывчивому человеку, к тому же не по годам мудрому. Мы «раздавили» с ним бутылочку армянского трёхзвёздочного коньяка под холодную закуску. Распрощались, обнялись, я позвонил своей любимой девочке, что лечу к ней, и погнал к Вехе.

Это было недалеко, и через пятнадцать минут я уже звонил в знакомую мне дверь. Веха бросилась мне на шею и покрыла меня поцелуями. Я сообщил, что у нас максимум час, так как через четыре я должен быть в аэропорту. И тут даже сквозь опьянение, а не пил я почти четыре месяца, таким больным алкоголь категорически запрещён, сейчас мама продолжала колоть меня сама, и я горстями продолжал «есть» ПАСК, я почувствовал какой-то диссонанс в поведении или словах моей любимой. Что-то неуловимое. Я не мог понять, что именно. Я сразу потянул её на кровать, как мы это делали всегда, но она сказала:

— Лапуля, ты слегка пьян, я поняла это ещё по голосу, когда ты звонил. Я приготовила тебе отличный горький горячий отвар. Он вмиг тебя отрезвит. Приляг, я сейчас его принесу из кухни.

В комнате было очень жарко, я успел стянуть брюки и рубашку и остался в одних чёрных семейных трусах, в которых ходила в то время вся мужская часть СССР. Я полулежал на подушках, когда Веха принесла мне кружку отвара. Он был не очень горьким и не очень горячим. Обняв мою ненаглядную, попивая отвар и рассказывая события последних трёх дней, я незаметно задремал. В голове дурман... Я не знаю, сколько длилось моё забытие, но сквозь эту пелену я стал различать шёпот:

— Ты будешь только мой, мой и ничей больше, — и ещё что-то совсем тихое...

Я приоткрыл тяжёлые веки и увидел, что мои «семейники» спущены до колен, а мой мальчик «вытянулся» по стойке смирно. Веха склонилась над ним, и её локоны не позволяли мне видеть её лицо, я слышал только шёпот и ласковые, едва уловимые поцелуи моего эрегированного органа.

Я заворочался, она отпрянула, я сделал вид, что только проснулся. Она сделала движение, что пытается снять с меня последнее, что было на мне.

— Ты отрубился, милый, и я не стала тревожить твой сон перед дальней дорогой.

Я посмотрел на часы. Времени в обрез. Я спешно оделся, крепко обнял и страстно поцеловал любимую, сделав вид, что ничего не слышал и не чувствовал. И рванул домой. Знал, что родители уже на взводе.

Стоики, Крым, «Долоссы», 1973–1974 гг

Дорога предстояла действительно длинная — более 4060 км... Санаторий «Долоссы» — первый круглогодичный санаторий, построенный на Южном берегу Крыма в 1928 году в соответствии с декретом В. И. Ленина. Санаторий построен в среднегорной зоне на Южном берегу Крыма в северо-восточном направлении от города Ялты, на высоте 500 метров над уровнем моря, для больных с заболеваниями лёгочной системы, а также сахарным диабетом. «Долоссы» — одно из уникальных мест: энергия гор, хвойного леса, морского воздуха создала исключительный микроклимат, аналогов которому нет. Санаторий имеет собственный парк 14 гектаров. Так описывает справочник этот санаторий. Но мне, после Павлодарского областного тубдиспансера он показался как минимум пятизвёздочным отелем.

Я прибыл в воскресенье, и меня встретила очень милая, внимательная и отзывчивая женщина, дежурный врач Римма Николаевна. После знакомства со мной и, главное, с моей медицинской выпиской из диспансера она взяла меня под свою опеку и поселила в лучшую палату своего отделения. Я ведь Везунчик, вы не забыли? Римма Николаевна, как потом выяснилось, оказалась лучшим врачом-фтизиатром во всём этом заведении.

Я попал в главный корпус, на последний четвёртый этаж, в двухместную палату с раковиной, остальные удобства были в конце коридора, но не шли ни в какое сравнение с «удобствами» тубдиспансера. Было относительно чисто как в туалетах, так и душевых комнатах.

Моим соседом оказался старший офицер с печально знаменитой атомной подводной лодки К-19, которая в 1961 году потерпела аварию ядерной силовой установки с человеческими жертвами. По этому факту знаменитый американский режиссёр Кэтрин Бигелоу сняла свой нашумевший фильм К-19: The Widowmaker с Харисоном Фордом в главной роли.

Я называл своего соседа просто Кэп, хотя он был в звании капитана третьего ранга. Это был высокий, слегка располневший, всё-таки годы берут своё, совершенно седой, но с прекрасной волнистой шевелюрой, что было странно, если учесть, что он принял изрядную дозу радиации. Кроме повреждённых лёгких, у него был диабет в тяжёлой стадии, но, как и положено настоящим мужикам, он стойко переносил все непростые процедуры, такие как бронхоскопия и прочие. Мы сразу нашли общий язык и скорешились, ведь я был архангелогородцем и с детства бредил морем, наблюдая из окон своего дома, стоящего на набережной, за кораблями на рейде Северной Двины и морями под моими окнами.

Наш главный корпус выглядел монументально: он располагался непосредственно в хвойном лесу с вековыми соснами и елями, прилепился на склоне горы и поэтому с одной стороны был трёхэтажным, а с другой — четырёх. Наружные стены первого этажа, оказавшегося с одной стороны цокольным, были выложены крупным тёмно-серым камнем, напоминающим гранит. На этом этаже располагались все лечебные кабинеты и кабинеты функциональной диагностики, а также столовая. На проект здания, как мне кажется, оказало влияние итальянское зодчество. Вдоль всех трёх этажей проходил открытый коридор с видом на парк с одной стороны, а с другой шли в ряд палаты со стеклянными дверями и окнами, открывающимися в сторону коридора, торцевая же стена палат была глухая. Наш последний этаж отличался от остальных тем, что палаты были выполнены в виде полусфер, включая форму дверей и окон. Поэтому Кэп прозвал нашу келью кубриком.

Приехав сюда и вобрав первый раз полную грудь воздуха, я, что называется, понял погоду: «Почувствуйте разницу». Это был воздух лёгкий и прозрачный, пропитанный смолой, хвоей и можжевельником, который, казалось, можно было пить. И это сразу вселило в меня уверенность в победе.

В первый же день, т. е. воскресенье, когда я прибыл в это райское место, а мне тогда так показалось, хотя реальность оказалась значительно жёстче, я пришёл к дежурной сестре

делать уколы и получить первую дозу таблеток. Сестричку звали Валя Лутова. Невысокая, ладная, симпатичная, с карими озорными глазами и каштановыми волосами, выбивающимися из-под медицинской шапочки, она произвела сразу на меня впечатление, что не помешало ей пропальпировать мою пятую точку со словами: «Вам неглубоко кололи, поэтому так быстро образовались шишки».

С этими словами она загнала мне иглу по «самый не балуйся», т. е. до упора. И сказала:

— Вы у меня сегодня последний пациент, и, поскольку вы только приехали, я предлагаю вам совершить небольшую экскурсию по нашим местам.

Я, конечно, согласился без раздумий. Ведь вот как бывает: мы только увидели друг друга, но флюиды, флюиды уже бежали, обнимаясь, по нашим венам. Не успели мы пройти и пару сотен метров по красивейшему парку санатория, как нас обоих заколотило. Мы прижались друг к другу и целовались без остановки, как будто были в долгой разлуке, и вот судьба дала нам шанс встретиться вновь. Она мне зашептала горячо-горячо в ухо:

— Пойдём ко мне в общагу, у меня там отдельная комната.

И мы, взявшись за руки, рванули бегом по парку и через десять минут были на месте. Стали судорожно срывать, словно это в кино, одежду друг с друга и упали на мягкий белый ковёр, лежавший на полу. И вот тут меня окатил холодный пот, я хотел её, желал её, ласкал её грудь и вульву, она, в свою очередь, делала подобные вещи с моим органом. Но ОН не реагировал. Все попытки оказались тщетными, я со стыдом отвернулся от этой прекрасной девочки и понял всё. Я вспомнил, как Веха колдовала над моим «мальчиком». А в том, что это было колдовство, теперь никакого сомнения не оставалось.

Я ничего не стал объяснять Валухе, медленно оделся. Зато она, молодчага, пыталась меня успокоить, что это от длительного перелёта с посадками, от бессонной ночи в самолёте и усталости. Я только молча смотрел в эти карие, ещё недавно озорные, а теперь взволнованные и внимательные глаза и гладил её прекрасные волосы.

Я так же молча вышел из комнаты, тихо притворив за собой дверь. Вышел из подъезда, сел на лавочку и не знал, как мне жить дальше. Я был раздавлен, морально уничтожен. Ведь любовь к женскому полу была неотъемлемой парадигмой моего существования. Мне впервые захотелось закурить. Но я просто испустил дикий вопль гнева и жалости одновременно.

Наш распорядок дня в санатории был следующим: подъём в 7.00, утренний туалет, а затем во всю длину коридора выстраивалась очередь в процедурную, где королевой была Валя Лутова. «Королева» стояла на коленях на мягком коврике около автоклавов, где кипели и стерилизовались шприцы и иголки, так как не было в то время ничего одноразового, пациент входил, становился к ней спиной, приспускал штанину. Она брала рукой в перчатке чистую иглу, зажимала её между указательным и средним пальцем и со шлепком вгоняла в ягодицу, затем соединяла со шприцем и вводила содержимое, прижимала ватку, смоченную спиртом. Следующий! Процесс занимал от силы пять-семь секунд. Затем в ладонь горсть ПАСКа, и всё. Это было её личное ноу-хау. Никаких лежаний на топчанах, наклонов к пациенту. Просто Космос! Наше отделение в тридцать шесть человек проходило за минуты.

Первый раз, после моей неудачи, я встал в очередь последним. Стыд душил меня, а главное, я не знал, как мне теперь вести себя с ней. Но она не показала виду, что что-то произошло с нами не так. Я промямлил: «Доброе утро», услышав в ответ: «Доброе», которое практически слилось со шлепком по ягодице, вгоняющим иглу. Через секунды, отвернувшись от моей задницы, она уже обращалась к санитарке: «Маруся, приberi здесь всё и включай автоклавы на стерилизацию».

Я поплёлся в палату. Но, как ни странно, наши отношения не испортились, а остались по-человечески тёплыми. При встречах мы перебрасывались парой общих фраз, даже шутили, иногда болтали ни о чём или улыбались. Прошло не так много времени, и я понял душу этой девочки, её глубинную силу и мужество.

После уколов был обход врача нашего отделения, Риммы Николаевны, сопровождаемой всё той же Валентиной. Врач расспрашивала про состояние организма, про общее самочувствие, жалобы, при необходимости вносила корректировку в лечение. Со временем я заметил, что у неё во рту постоянно леденец. Пациенты, уверенные, что она без них жить не может, частенько дарили ей коробочки с монпансье. Она благодарила милой улыбкой, слегка смущаясь. Я был уверен, что у неё проблемы с зубами, или дёснами, или желудком. Но оказалось, что я ошибался.

После обхода — завтрак, вполне приличный для такого рода заведений, и наконец, если нет процедур, — Свобода. Я мог отправиться в город, красавица Ялта раскинулась в пятистах метрах ниже по склону горы. Я любил пешие прогулки, тем более вниз спускаться по асфальтированному серпантину было в кайф. Гулял по набережной и кормил чаек хлебом с руки, предварительно запасшись парой его кусков в столовой за завтраком. Туристы, да и местные жители, делали то же самое. Это был аттракцион.

Возвращался к обеду обычно на автобусе, маленьком ПАЗике. После обеда тихий час, затем снова уколы, ПАСК, и после этого мы обычно шли играть в маленький теннис. В первый же день, бродя по парку, я услышал бойкий стук теннисного мячика о стол. И вскоре я стоял у теннисного стола, где двое ребят, примерно моего возраста, довольно лихо гоняли мячик. Один, черноволосый, с курчавой шевелюрой и задорными весёлыми глазами, был в тёмно-бордовом спортивном костюме и белых кроссовках, второй, видимо лет на пять постарше и взглядом помудрей, носил русые короткие волосы, был экипирован в шерстяной синий с белой полосой, модный в то время спортивный костюм и белые теннисные туфли. Перед подачей мяча он имел привычку как бы слегка плевать на пальцы, в его манере держаться, даже в такой непринуждённой обстановке, чувствовались уверенность и лёгкое превосходство.

На лавочке около стола сидела и наблюдала за игрой чернобровая и черноволосая, с карими глазами девушка. Мы познакомились. Это оказались отличные ребята: Рома Каюмов из Москвы, он был в бордовом, и Славик Пронин из Харькова. Девушка оказалась женой Ромы, и звали её Олей, но Ромка всегда называл её Олешей. Мы подружились и пронесли эту дружбу через много лет. До смерти Ромы, который рано ушёл из жизни. Сахарный диабет и туберкулёз — это пара «гнедых», остановить которую очень непросто.

Ребята находились здесь уже более двух месяцев и здорово сыгрались. Были они совершенно разные: Ромка, коренной москвич, работавший в «почтовом ящике» и часто выезжавший в Ахтубинск, на испытания очередного «изделия». Ольга работала вместе с ним и, как правило, сопровождала его в поездках. Ромка приехал сюда для профилактики пролеченного туберкулёза (ТБЦ) и особенно для контроля лечения сахарного диабета, который был у него в тяжёлой форме.

Харьковчанин Славик был действительно славным парнем. Ему сделали резекцию лёгких на обеих половинках. В правой ему «отхватили» почти половину, в левой одну треть, перенёс бронхоскопию и сейчас тоже прибыл на профилактику. Дышал он трудно, с одышкой, всё-таки значительной части важного органа не доставало. Он старался беречься, следил за сквозняками, ведь дома его ждали жена и семимесячная дочурка.

Дни летели за днями, недели за неделями, сентябрь сменился октябрём, пришла очередь ноября. Уколы, уколы, уколы! Их мы сотнями безропотно принимали. Они вошли в нашу жизнь, как есть и дышать. Наши «мягкие» места давно превратились в решето с нерассасывающимися шишками, не помогали ни грелки, ни йодистые сетки. Но мы уже привыкли и старались не обращать на это внимания, не хныкали, хотя порой сидеть было больновато, и не только сидеть. С начала моего лечения прошло уже более полугода. Но результат начал ощущаться. Я стал легче дышать, сил прибавлялось, и я мог держать более серьёзную физическую нагрузку.

Вечера стали прохладнее, но зато днём мы играли не только в теннис, но и в волейбол. Приехал новый пациент из Питера, худой, высокий, жилистый и мускулистый Саня. Он зани-

мался волейболом, даже играл в какой-то известной питерской команде. Санёк быстро втянул нас в эту тему, благо волейбольная площадка в парке была, но постоянно пустовала. Мы быстро собрали три смешанных команды: мальчики-девочки — и устраивали игры на вылет.

Однажды мы втроём: Ромка, Ольга и я — решили прогуляться по набережной Ялты. Было начало ноября, через три дня мои друзья возвращались в Москву, и они захотели в последний раз покормить чаек. Денёк выдался солнечным, ветра с моря почти не было, мы не спеша дефилировали по красивейшей приморской набережной протяжённостью всего один километр, построенной в 1886 году, украшенной пальмами со стороны города и знаменитыми фигурными фонарями. Здесь в своё время фланировали Чехов и Некрасов, Бунин и Горький, Айседора Дункан и Есенин.

Я уже не помню, то ли Ромка не позавтракал, то ли съел то, чего ему не полагалось, но вдруг моему другу стало плохо, он побелел, сильно вспотел, присел на корточки, а потом разметался по красному граниту, которым вымощена мостовая. Начались судороги, и он практически потерял сознание. Изо рта у него начала пузыриться пена. Зрелище было не для слабонервных. Я заметался в поисках ближайшей телефонной будки, чтобы вызвать скорую. Но Ольга меня остановила:

— У него гликемическая кома.

Я ещё не знал тогда, что от этого умирают. Жена товарища открыла сумочку и вытащила стальной цилиндрический футляр. Отвинтила плотно пригнанную крышку. Сосуд оказался заполнен спиртом, в нём находились три иглы и шприц. Как потом я выяснил, этот мини-стерилизатор Ромке изготовили на его «почтовом ящике», ведь одноразовых иглолок и шприцов тогда ещё не существовало.

Ольга, со знанием дела, собрала всё для инъекции, вскрыла флакончик с инсулином, наполнила шприц, закатала Ромке рукав рубашки до плеча и ловко уколола его в предплечье, как заправская медсестра. Через минуту его лицо порозовело, он открыл глаза и приподнялся на локте. Затем достал из кармана кусочек сахара-рафинада и положил в рот.

— Ну ты и напугал меня, чертяка. И часто такое у тебя бывает? — спросил я.

Видимо, Рома ещё не пришёл окончательно в себя, поэтому жена-спасительница пояснила:

— А всегда, когда этот дуралей нарушает режим.

Тогда мне стало понятно, почему Ольга сопровождает Рому во всех поездках и вообще не отпускает его от себя. Через три дня я с сожалением простился с друзьями, и, обменявшись со мной координатами, они укатили. Мы остались со Славиком вдвоём коротать наше вынужденное существование в этом заведении.

Во второй декаде ноября в горах стало холодать. Мой день рождения, 21 ноября, я решил отметить в очень узком кругу в кафе в Ялте. Туристический сезон закончился, большинство приличных заведений закрылось, и я заказал столик в самом уютном заведении, которое ещё функционировало.

Нас было четверо: Славик, мой сосед Кэп, я и Валя Лутова. Я долго сомневался, приглашать её или нет. Боялся отказа. Но она с радостью согласилась. Правда, я успел заметить какую-то неуловимую тоску в её прекрасных глазах. Мы сидели вчетвером в практически пустом кафе. На лечении мы не пили, но сегодня решили нарушить традицию и взяли триста граммов водки, ну и, конечно, всевозможные закуски. Потихоньку выпивали, закусывали, ребята говорили тосты.

Позже заиграла музыка, и певец, подражая Валерию Золотухину, запел песню из кинофильма «Земля Санникова»: «Есть только миг, за него и держись...». Пел он довольно прилично, и вдруг в середине исполнения Валюха в рыданиях бросилась мне на грудь, в буквальном смысле слова заливая мою рубашку слезами. Я был в недоумении, пытался, как мог, её

успокоить и выяснить причину такого поведения. Она не унималась. Я почти насильно влил ей рюмку водки и отпаивал её водой.

Когда мои смущённые ребята оставили нас объясняться, всё стало ясно. Она была больна ТБЦ, и давно, от осмотров уклонялась, боясь потерять работу, но вчера был плановый осмотр, который контролировал непосредственно главврач, он дал указание найти её и доставить на обследование. Диагноз был ужасным. Неизлечимая, четвёртая, слишком запущенная форма ТБЦ. Жить осталось недолго.

Я был в ступоре: девочке двадцать два года, и её жизнь, которая фактически только началась, может оборваться в любой момент. Мероприятие закончили в молчании. Пацанам я ничего не сказал, но они догадались, что произошло что-то неординарное.

Через месяц Валюши не стало. Этого светлого человечка с необъятной отзывчивой душой и искрящейся улыбкой. Она была реальным Стоиком и умерла на боевом посту. На следующий день, после её Ухода, приехали родители и забрали тело, чтобы предать его земле где-то в глухой деревеньке под Ростовом. Мы не смогли даже проститься по-христиански.

Мир для меня померк. Первый человек, которого я встретил по прибытии сюда, первый человек, у которого оказалась родственная душа, ушёл из жизни навсегда. Своей и моей. Это серьёзно отразилось на моём нервном состоянии, тем более и Славик, моя опора в это время, через месяц вынужден был вернуться в Харьков. Я погрузился в глубокую депрессию с размышлениями о смысле жизни и её справедливости.

Много лет спустя, уже в наше время, я смотрел по ТВ интервью Андрея Караулова, которое он брал у первого Президента Азербайджана Гейдара Алиева. Последний в советские времена возглавлял КГБ союзной республики, затем был её первым секретарём ЦК Компартии, встречался с ведущими мировыми лидерами, включая президентов США. Являлся членом Политбюро ЦК КПСС, был облакан правящей властью и так далее. На вопрос А. Караулова «Гейдар Алиевич, что вы думаете о Жизни?» Гейдар Алиевич, медленно мешая ложечкой чёрный чай в подстаканнике, устремив взгляд на этот процесс, выдержал долгую паузу и ответил: «Эх, Андрюша, жизнь несправедлива».

Я был удивлён. Прошли долгие годы, и много испытаний преподнесла мне жизнь, было много и хороших моментов, но только спустя десять лет я постиг глубинный смысл слов, сказанных Гейдаром Алиевым.

Сейчас же, оставшись один на один со своей болезнью, понеся первую утрату, если и не близкого по крови мне человека, то по духу точно, я растерялся. Мысли роились в моей голове день и ночь. Мысли и уколы. Уколы и мысли. Как-то под утро, проснувшись от храпа моего соседа Кэпа, я лежал и размышлял: как же мне разорвать этот замкнутый круг. И я решил: начну с ходьбы. Я вообще по жизни ходок, причём во всех смыслах. Но в данном контексте речь шла о реальной ходьбе. Вниз, в город, я уже ходил регулярно, но это была не ходьба, а прогулки, нагрузки не было. А я всегда понимал ходьбу как вид спорта, то есть как спортивную ходьбу. При нагрузке, которую она даёт, моё «серое» вещество начинало генерировать идеи, приходили правильные мысли, даже пара озарений случилась.

И вновь «калейдоскоп» накрыл меня с головой...

Стоики, вторая попытка, 1974 год

На следующее утро, точнее в пять утра, я оделся и вышел из корпуса, но повернул не вниз, в сторону города, а вверх. И вспомнил слова из песни, звучащей в кинофильме «Вертикаль», моего любимого певца В. Высоцкого: «Вперёд и вверх, а там... Ведь это наши горы, они помогут нам!» Эти слова придали мне уверенности.

Вверх шла асфальтированная однополосная дорога, извивавшаяся среди гор. Я ещё не ходил по ней, но теперь, когда здоровья прибавилось, я «двинул». Было ещё темно и довольно прохладно, поэтому я ускорился. Дорога петляла среди возвышенностей, иногда круто уходя вверх, иногда шла более полого. Пройдя примерно километр, я начал потихоньку уставать, появились одышка, потливость, я немного сбросил скорость, но продолжал шагать. Пройдя ещё с километр, я уже было решил, что на сегодня хватит. Хотя, будучи здоровым, мог семёркой вёрст отмахать в высоком темпе. Сейчас же каждый вздох давался с натугой, но тут я увидел таблички «Ялтинский горнолесной природный заповедник, 700 м» и ниже описание: «Заповедник протянулся по горам всего Южного берега Крыма — от Гурзуфа до Фороса, в нём в естественных условиях обитает более 2000 видов живых существ. 8 % живых существ — эндемики, встречаются только здесь. Площадь заповедника — 14 523 га». И ещё табличку «Вольеры с животными». Это меняло планы, прибавляло сил.

Немного постояв и отдышавшись, я двинулся с удвоенной энергией вперёд. Когда я достиг цели, уже начинало светлеть небо и изредка чирикала какая-то птица. Миновав шлагбаум, а это был один из проходов в заповедник, конечно, никакой охраны не было и в помине, я подошёл к первому попавшемуся вольеру и без сил «рухнул» на скамеечку около него.

Кроме чириканья птички, стояла тишина. Вдруг я услышал сопение и скрежет когтей об ограждение вольера. Я встал и вплотную приблизился к клетке, но в сумерках не рассчитал дистанцию и схватился руками за ограждение. Медведь средних размеров стоял на задних лапах напротив меня через ограждение и вдруг начал лизать своим шершавым, горячим и влажным языком пальцы моих рук. Я вздрогнул, но быстро сообразил, что если бы у него были агрессивные намерения, то я бы уже как минимум остался без пальцев. Я убрал руки со словами: «Что, бродяга, есть хочешь? Пора завтракать? Прости меня, я новенький, в следующий раз с меня причитается».

Постояв и отдышавшись, я двинулся в обратный путь, оставив на «потом» осмотр других вольеров. Теперь я знал: у меня есть маршрут для тренировок и размышлений, и был уверен, что приведу своё моральное и тем более физическое состояние в норму. Оптимизм возвращался ко мне. Вернулся я как раз вовремя: отделение выстроилось в коридоре в очередь на уколы. Я встал в конец очереди.

Колола новая медсестра, Катюша, качественно, но по традиционной схеме — через кушетку. Не было в её глазах задора и оптимизма, который излучали искрящиеся глаза Валентины, а был в её взоре один профессионализм и рутина. Дело двигалось теперь медленно. Я опять сник. Реальность не отпускала, но надежда умирает последней.

Минул декабрь. Поскольку месяцы утекали как песок сквозь пальцы, так же происходила и смена постояльцев заведения. Отбыл в Питер Санёк-волейболист, а без предводителя и смены составов наши игры прекратили существование. Празднование Нового, 1974-го, года было скучным и коротким. В час тридцать ночи мы с Кэпом уже лежали в своих кроватках. Скромные кулёчки с подарками от администрации заведения стояли на наших тумбочках. Мы уснули. Но Жизнь продолжалась.

Теперь я ежедневно, через час после завтрака, уходил в горы к заповеднику пообщаться с животными в вольерах: кроме двух медведей там были косули и олени, кролики и зайцы и другая живность. Но я ходил к «моему» косолапому бродяге, и всегда у меня с собой было

какое-то лакомство для него. Он меня узнавал и издавал радостный, так мне казалось, рёв при моём появлении.

Когда поднимаешься вверх по дороге, ведущей к заповеднику, то с левой стороны дороги находятся горы, уходящие вверх, а с правой — спуск вниз, иногда обрывистый. Примерно в середине пути справа деревья расступаются, открывается отличный вид на красавицу Ялту. Здесь образовался естественный пятачок, где можно постоять и полюбоваться открыточными видами города.

Наступил март. Я чувствовал себя всё лучше. В один из моих походов я поднимался вверх, а сверху мне навстречу спускалось ОНО. ЯВЛЕНИЕ! Я остановился, открыв от восхищения рот. Она была высока, стройна, одета в длинное голубое пальто из плотного мохера, тонкая талия окантована красным поясом. Роскошные каштановые локоны выбивались из-под голубой с жёлтыми подсолнухами косынки, а вот глаз не было видно. На ногах — красные кроссовки Adidas, голимый дефицит.

Она была в очках, но не в солнцезащитных, а с диоптриями, но таких я ещё не видел. Обычные прозрачные стёкла, но когда на них попадал лучик солнца, то создавалось впечатление, что капля бензина плавает по воде, растекаясь и переливаясь радужными бликами. Денёк выдался солнечный, поэтому в обеих линзах плавала и переливалась эта красота. Как потом я узнал, очки были штучные, изготовлены по спецзаказу на знаменитом предприятии ГДР: Карл Цейсс «Carl Zeiss AG», основанном в 1846 году Карлом Цейсом.

Когда она со мной поравнялась, мой ступор продолжался.

— Закрой рот, всяк, меня встречающий! — изрекло явление.

Я был воспитан в интеллигентной семье и старался придерживаться хороших манер, но когда на меня вот так, сходу, наезжают, отвечаю тем же:

— За завтраком съел что-то не то, и оно прилипло к нёбу. Вот, пытаюсь избавиться.

— А вы за словом в карман не лезете. Меня зовут Алёна.

— Так вот где я вас видел! На обёртке шоколадки. Я Гарик.

— А вы самоуверенный молодой человек.

— Это не самоуверенность, мадам, а спокойная уверенность в собственных силах, — выдал я очередной «перл».

Мы не спеша стали спускаться по дорожке. И через час уже многое знали друг о друге. Странно, что я её раньше не встретил на территории санатория, она приехала неделю назад из ГДР, где её папа — генерал-полковник, один из заместителей командующего нашей Западной группы войск, расквартированной в ГДР. Алёна заболела ТБЦ два месяца назад, но поскольку она проживала в развитой стране, то его тут же обнаружили на самой ранней стадии. Качественно пролечили, и папа отправил её окрепнуть после лечения в это уникальное по своим свойствам климатическое место.

Поселили её на втором этаже в нашем корпусе, в люксе. Но ей здесь всё не нравилось: ни совковая мебель в палате, ни питание, ни контингент. Только от природы она получала удовольствие. Сказала, планирует в скором времени уезжать, чем меня сразу расстроила. Я, конечно, не подал виду, но про себя подумал: «Ну вот, только госпожа Удача “подкинула” мне такого человека и уже намерена отобрать. Поборемся, ещё увидим, чья возьмёт». Мы дошли до нашего корпуса и договорились, что завтра опять пойдём к зверьям.

Я был уверен, что «соловья баснями не кормят». Чтобы заполучить такую девочку, как Алёна, одних слов, знаний и опыта недостаточно. Необходимы «бабосы», которых у меня «кот наплакал». Поэтому после обеда я рванул в город на междугородний телефонный пункт звонить Ромке в Москву. Дело в том, что на следующий, 1975-й, год планировался совместный полёт в космос, Apollo-Soyuz «рукопожатие в космосе», наших космонавтов на «Союз-19» и американских астронавтов на «Аполлоне», с последующей стыковкой в космическом пространстве. Программа была утверждена 24 мая 1972 года Соглашением между СССР и США о

сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях.
Это было Историческое событие для всего Человечества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.